

Сергей Малицкий

Карантин

00

Жизнь дала трещину в четырнадцать часов двадцать две минуты. Накатила тревога, в спину дохнуло холодом, зазвенело, заныло в висках, пальцы словно окаменели. Точно так же, как и месяц назад, по дороге к тестю. Тогда Павел вырулил к обочине, в ответ на недоуменный взгляд Томки пожал плечами, а через секунду в трех сотнях метров на встречу выкатила фура и, разворачиваясь поперек узкой двухполоски, собрала под себя три легковушки. Сейчас он был не за рулем и выскочил из-под автоподъемника мгновенно.

— Ты что? — не понял Димка-напарник.

— Заскрипело что-то, — буркнул Павел, скинул перчатки и потянулся за мобильником.

— Да что там могло заскрипеть? — полез под машину приятель. — Тут давно сгнило все!

Через открытые ворота мастерской шелестел августовский ветер, шумела близкая автотрасса. Белела малярным скотчем приготовленная к покраске двадцать первая. Замерла под тентом в дальнем углу доставленная заказчиком «победа».

Там же лежал на тележке волговский движок. Впрочем, с движком еще были вопросы — заказчик хотел загнать под капот машины какого-нибудь «японца».

Томка не отвечала. Такого быть не могло. Она отвечала всегда. Павел набрал домашний, но и оттуда не услышал ничего, кроме ее голоса на автоответчике.

— Чего там? — Димка оставил на лапе подъемника ключ и с недоумением уставился на приятеля.

Дмитрий Дюков был полной противоположностью Павла. Волосы имел светлые, глаза голубые, нрав легкий и беззаботный, брюшка еще не наел, но цель такую себе явно поставил. С какой стороны ни посмотри — легкомысленный и добродушный гуляка, любимец женщин и детей. Сам Димка не отрицал ни того, ни другого, но гулякой уж точно был не легкомысленным. Под яркой упаковкой счастливого балбеса скрывался редкий знаток автомобилей и всего к ним относящегося, а также трудяга и отличный мастер по кузовному ремонту. В ответ на вопросы о его холостой жизни Димка вздыхал и кивал на Павла, намекая, что приятель сломал ему жизнь. Ни одна Димкина знакомая не могла сравниться с Томкой, он сам ее и заметил, — так ведь не удержал, как ни старался! Что она только нашла в его напарнике?

Да, высокий, но худой, даром что плечи широки. Нос слишком длинный, лицо узкое, глаза собачьи, брови домиком, губы скобкой концами вверх, не поймешь — то ли пошутить хочет, то ли уже насмехается над тобой. Смерть мужеского полу не с косой, а с монтировкой, бездетный аист, Пьеро с космами черных волос, без колпака — выбирай, не ошибешься. Дело не во внешности, бурчал Павел. А в чем? — оживлялся Димка. В фамилии, — кривил тонкие губы его приятель. — Ну что за фамилия для девушки — Дюкова? То ли дело — Шермер. Почти Шарман. — Ага. Фанфан-Тюльпан! — возмущался Димка. — Так ведь твоя фамилия не на лбу у тебя написана! — Разве? — удивлялся Павел и шел к зеркалу, сдвигал со лба непослушную прядь, вылезшую из тугого хвоста. — С утра же писал. Стерлась?

— Что случилось? — стянул перчатки Димка.

— Не знаю, — бросил Павел и вновь прижал трубку к уху.

Телефон взял Костя-весельчак и тут же принялся тарыхтеть:

— Привет, Пашка! Ты что, забыл про меня? Я тебе когда еще закидывал вопросик? Повторяю для глухих: у моего тестя в сарайчике томится четыреста первый «москвичонок». Сколько обойдется привести его в порядок? Ну, там прилизать, подварить, заклепать, движочек

помощнее под капот впихнуть. Климат-контроль. Дисковые тормоза. Подвесочку понадежнее. Чтобы вышло, как у Ремарка. Помнишь колымагу под названием «Карл — призрак шоссе»? Да! Еще и согласовать все с ментами.

— Костя, у тебя нет таких денег, — приготовился к словесному недержанию Томкиного начальника Павел.

— Каких денег, друг? — не понял Костя. — Ты о какой валюте говоришь? Можешь озвучить цифры? Если не в рублях, так хоть в метрах, в килограммах, в шгуках. Скажи хоть что-нибудь! Проясни! Или мне с Дюковым через твою голову договариваться? Какова цена вопроса?

— Хватит на новый «мерседес» и на гараж к нему, — вздохнул Павел. — Еще и останется. Томку позови.

— Какой марки «мерседес»? — заинтересовался Костя. — Нет. Ты в самом деле хочешь сказать, что мои глаза мне врут и в сарайчике у моего тестя стоит «мерседес»? Хочешь, я тебе его продам?

— Костя! — повысил голос Павел. — Тамару позови!

— С превеликим удовольствием! — от озвался весельчак. — Только скажи, от куда мне ее позвать? Она сегодня не вышла.

— То есть? — не понял Павел. — Что значит

«не вышла»?

— То и значит, — хмыкнул Костя. — Просто не вышла. Звякнула с утра, сказала, что задержится. Да так и не вышла. Пришлось Людку вызывать — я, что ли, буду с ее подопечными прыгать? Я уж и звонил ей, но она не берет трубку. Хотел тебе позвонить, но...

— Прости.

Павел нажал отбой, бросил телефон Димке, начал расстегивать комбинезон.

— Набери-ка тестя. Он в списке вторым.

Приятель догнал его, когда Павел уже подходил к «импрезе», которая притулилась в тени Димкиного «гуарега». Отдал телефон:

— Абонент временно недоступен. Что случилось-то? Что-то с Томкой?

Павел не успел ответить. Стены собранной из рифленого железа мастерской начали вспучиваться у него на глазах, и когда громыхнул взрыв, он уже летел вместе с приятелем на асфальт.

01

Димка их и познакомил. Привел год назад красавицу-незнакомку в спортзал, который Павел, как всегда, покидал последним. Дюков держался в метре от девчонки, не ближе, что ясно давало понять — разгрызть орешек пока что ему не

удалось. Он еще долго потом нудил, что такую надо было ломать сразу, бесполезно ждать, когда она сама обратит на тебя внимание. Павел не прислушивался к его стонам — знал, что рано или поздно Дюков заткнется. Павел вообще не любил разговоров «о бабах», хотя в ответ на Димкины откровения частенько посмеивался. Как-то само собой вышло, что к почти тридцати годам у него образовалось немало подружек, с некоторыми из них он мог непринужденно сменить дружеские отношения на более близкие, чтобы потом вновь обратиться в доброго приятеля, хотя и чувствовал, что в каждой из них копится обида. Даже начал подумывать, с кем из подруг связать жизнь, но тут он впервые забыл обо всех. Застыл с вытаращенными глазами.

Неотразимый Дмитрий Дюков дал осечку не просто так. Томка сама определяла, кого ей любить, а на кого посматривать с доброй усмешкой, как на подбежавшего вильнуть хвостиком пуделька. И сломать ее было нельзя — сам скорее сломаешься. Впрочем, не пришлось и пытаться: она первой обратила внимание на приятеля незадачливого ухажера. Остановилась, чтобы задать какой-то вопрос, но едва Павел сдвинул на затылок маску, замерла, поймала пальцами подбородок, удивленно подняла брови, наклонила голову к плечу и осветилась улыбкой. Высокая, спортивная, с

растрепанными темными волосами. Красивая. Вроде бы ничего особенного, а глаз не оторвать. Отведешь взгляд в сторону — и тут же торопишься вернуться: поймать линию подбородка, губ, бровей, блеск глаз, путаницу прядей, увериться, что не видение только что мелькнуло перед тобой.

— В от... — Димка пожал плечами, подергал себя за кончик носа, взъерошил белобрысую шевелюру, прокашлялся, м от нул головой в сторону гостыи. — Тамара. Зашел тут к Костику в фитнес-центр — давно не был, — слово за слово, он и сболтнул насчет твоих развлечений. Она там у него матрон гоняет. К от орым уже и липосакция не поможет. Тома, это — Павлик. Мой деловой партнер. Мы с ним раб от аем вместе. Впрочем, не принципиально. Она насчет страйка¹, Паш. Хочет поиграть в войну.

— Многие хотят, — медленно проговорил Павел, освободив непослушные вихры из-под сдвинутой на затылок фехтовальной маски.

Он сам потом удивлялся, как сумел остаться

¹ *Страйк, страйкбол* (англ. Strike — удар и ball — шар) — ролевая военно-тактическая игра с имитацией действий вооруженных структур. В игре используется пневматическое оружие, стреляющее пластиковыми шарами калибра 6 и 8 мм. Главный принцип игры — честность, поскольку шарик не оставляет следов на обмундировании.

спокойным, хотя все внутри у него зашлось — словно кипятком плеснуло в распахнутые ребра.

— Не переодевайся.

Голос у Томки оказался под стать ее внешности. Бархатным, как позже определил Димка. Необычным, с легким акцентом.

— Не переодевайся, — повторила она, потеряла щеки, словно набежавший румянец обжигал их, сдернула с крючка нагрудник. — Мальчики, которые хохочут в душевой, не обидятся, если я воспользуюсь чужой амуницией?

— Они не из обидчивых, — словно передразнивая гостью, наклонил голову Павел. — Чего хочешь?

— Ой, многого! — улыбнулась Тома. — Но это потом. Пока — проверить тебя на прочность. На дорожке, но вживую, без электричества. Работаем до пояса. До хорошего контакта. Что вы тут скрещиваете?

— Что угодно, — почувствовал Павел странный холод, побежавший по спине. — Это любительский клуб. Сабли, рапиры, шпаги.

— Тогда шпаги — они чуть тяжелее.

Она взяла маску, подошла к стойке с оружием, вытянула трехгранный клинок, хмыкнула, пощупав насадку.

— Баловство.

— Тома! — забеспокоился Димка. — Имей в

виду, Пашка из лучших. Хоть на шпагах, хоть на мечах, хоть на ножах. Это тебе не два притопа, три прихлопа, как в вашем фитнес-центре. Он еще и историческое фехтование в институте вел, и кендо² занимался в детстве. Я ничего не путаю? Паш, занимался ведь?

— Дима, отвянь, — попросил Павел и в первый раз назвал ее по имени. — Значит, Тома? Перчатки?

— Зачем? — Она взмахнула несколько раз шпагой, словно приноравливалась к ее весу и рукояти, надела маску. — Ты же не будешь меня калечить?

— Не должен. — Он двинулся к противоположному концу дорожки. — Хотя все правила я нарушаю по-любому. Сам себе удивляюсь.

— Ну, мы же не в аптеке? — Румянец все еще красовался у нее на щеках. — Или-таки да? Димка сказал, что ты относишься к редкому отряду благожелательных зануд.

— Реже не бывает, — согласился Павел. — Отряд зануд, класс млекопитающих. Вид — Шермер обыкновенный. Дюков, как всегда, точен.

— Алло! — подал голос Дюков. — Я пока еще

² Кендо — (яп. — путь меча).

здесь!

— Фамилия у тебя красивая, — не повела в сторону Димки даже глазом Томка. — Отец был из французов?

— Из немцев, — прищурился Павел. — И не отец, а дед по матери. Из обрусевших немцев. С петровских времен.

— А отец? — не отставала девчонка. — Или у вас в роду властвовал матриархат?

— Училась? — хмыкнул Павел, оценив выполнение девчонкой салюта.

— Было, — встала она в правостороннюю стойку. — Отец как-то пристроил в секцию, чтобы не пропала глупая и молодая. Не думала, что пригодится... А ты умеешь не отвечать на вопросы.

— Познакомишь с отцом? — согнул колени Павел.

— Будет повод? — заинтересовалась Томка. — Тогда и ты.

— Эй! — повысил голос Димка. — О чем это вы договариваетесь?

— Молодость уходит, Дима. Пора устраивать личную жизнь, — ответила Томка и тут же сделала выпад.

Она сражалась неумело, но интересно. Павел сразу понял, что девчонка и в самом деле не в первый раз оказалась в фехтовальном зале, но вряд ли увлекалась шпагой по-настоящему. И все-таки в

ее движениях было что-то едва различимое, но особенное — не просто талант, умноженный на хорошую физическую подготовку. Она сражалась так, словно когда-то родилась с саблей или мечом в руке. И не менее десятка ее предков рождались с саблями или мечами в руках. Или эти мечи и сабли висели у них в жилищах, и они хватались за них при первой возможности.

Нет, Томка не показала ничего особенного, да и не сражалась всерьез, скорее играла, неумело выполняла обычные приемы и вдруг, словно случайно, закручивала редкие и сложные. Играла, как играют молодые щенки, прихватывая зубами друг друга, не боясь сделать больно. Павел только защищался. Отбивал ее выпады, парировал уколы, но не пытался уколоть сам, хотя такие возможности она ему предоставляла. Или намекала на их возможность. Провоцировала она его напрасно: Павел никогда не раскрывал умения полностью. Даже в схватках со старыми знакомыми фехтовал скупко, сдержанно, чего уж говорить о незнакомцах. Выкладывался ровно настолько, чтобы не уступить, не более того. Точно так же и в жизни. Сколько себя помнил, всегда держал дистанцию, и если даже с кем-то разговаривал откровенно, выкладывал едва ли десятую часть из того, что знал, а чаще всего предпочитал держать язык за зубами даже в ответ на откровенность. А чем отличалась схватка от

разговора? Разве только тем, что в ней не удавалось отмолчаться вовсе: приходилось отвечать на стальные Томкины возгласы хотя бы короткими репликами.

Когда прошло минут пять и всякий новичок давно бы уже сбил дыхание, она уколола его в бедро. Или он позволил ей уколоть себя в бедро. Вышедшие к этому времени из душевой друзья Павла встретили ее укол аплодисментами.

— Работаем до пояса? — сдвинул маску Павел.

— Никогда никому не верь, — ответила она и, сдувая капли пота, повисшие на носу, повторила, — никогда никому не верь, — и еще раз выговорила медленно и отчетливо: — Ни-ког-да ни-ко-му не верь.

И тут же улыбнулась.

— В схватке никогда никому не верь. Ведь это не страйкбол? Абсолютная честность нужна только там. Я правильно поняла? Да и то, не стреляй эти ваши пукалки шариками...

Через неделю Томка сжимала в руках австрийскую универсальную винтовку ³ и в

³ *Австрийская универсальная винтовка* — AUG (STG77) (Arme Universal Gewehr — армейская универсальная винтовка) — страйкбольная копия австрийской штурмовой

команде из восьми человек подбиралась к занятой «противником» высотке. Жора-гигант, командир отряда со смешным названием «Планктон», который принял незнакомку в игру с кислой миной, вечером показал Павлу большой палец. Девчонка за весь день не задала ни одного вопроса, вообще не сказала ни единого слова и не только не заныла, когда группе пришлось переползать через болото, но еще и сумела не отстать от умудренных военной забавой крепких мужиков. К тому же она не сбивала дыхания и двигалась бесшумно. Что же касалось внезапной атаки на позицию соперников, именно она не только обнаружила дозорного, но и неслышно подобралась к тому и смогла удерживать здорового парня с зажатым ртом не меньше минуты, которой хватило, чтобы противник был застигнут врасплох.

— Ну? — спросила Томка Павла, когда едва ли не каждый из новых знакомцев с восхищением похлопал ее по плечу. — Не пожалел?

— А сама? — Он аккуратно упаковывал в

винтовки Steyr AUG. (В страйкбольной классификации тип оружия — привод.)

Привод — тип оружия для игры в страйкбол. АЕГ (AEG — Automatic Electric Gun). Автоматический электрический автомат.

чехол любимый дробовик⁴.

— Ноготь сломала, — смешно надула она губы. — Здоровый бугай оказался, хотя я вроде его правильно зажала — как батя учил, за шею. Едва не задушила!

— Ага. — Павел сдержанно улыбнулся. — Ему теперь вся команда завидует. Такая дивчина грудью к спине прижималась! Говорит, всякий бы без движения замер!

— Но ты же — не всякий? — Она в мгновение стала серьезной, хотя уже привычно залилась румянцем. — Когда следующая войнушка?

— Через месяц. — Он застегнул молнию. — Удовольствия нельзя частить.

— Это касается всех удовольствий? — Томка стянула с лица защитные очки. — Что мне придумать, чтобы увидеть тебя раньше?

— Ну, существуют разные способы... — Павел все еще не мог понять, что его удерживало от того, чтобы обнять ладно сложенную воительницу, на которой даже камуфляж казался модельным одеянием. — К примеру, ты могла бы пригнать в нашу с Димкой мастерскую свою машину.

⁴ *Дробовик* (модель, упоминаемая в тексте) — Maruzen SA 870 Sawed-Off (в страйкбольной классификации тип оружия — спринг).

— У меня нет машины. — Она смотрела на него строго, словно хотела поручить ему что-то важное.

— Тогда ничего не придумывай. — Павел постарался убрать с лица всегдашнюю ухмылку, хотя и знал, что это у него не получится. — Просто поехали ко мне.

Она была родом из Латвии. Точнее, в Латвии родилась ее мать. Отец-сибиряк, который когда-то окончил Вильнюсское радиотехническое, мотался по воинским частям по всему Союзу, слепил офицерскую семью, заполучил дочь, потерял где-то в вечных переездах жену и на излете службы уже далеко за кончиной огромного государства все-таки сумел перебраться с Дальнего Востока под Москву. Томка так и звала его — майор. На самом деле майора звали Виктором Антоновичем Соленым, но Павел тоже, с легкой руки Томки, стал звать его майором. Правда, встретиться ему удалось с тестем не сразу. Тот работал инспектором газнадзора и редко бывал дома, мотался по командировкам. Томка проехала по этому его свойству в первый же день, заявив, что семья у них будет неполная: у Павла, оказывается, ни отца, ни матери, у нее только отец, да и тот дома не бывает. Трудное детство ожидает маленьких Палычей — без дедушек и бабушек придется обходиться.

— Ты сейчас о каких Палычах говоришь? — спросил Павел, доставая из кармана ключи.

Она шагнула в открытую дверь, сунула ноги в тапки, огляделась.

— О твоих детях. И, надеюсь, и моих. А ты молодец.

— В чем же на этот раз? — закрыл за собой дверь Павел.

— Почему на этот раз? — Она остановилась в центре его единственной комнаты — небольшого зала, объединяющего и коридор, и кухню. — Я хвалю тебя впервые. Фехтовал ты слишком скованно, не легко. Боялся раскрыться, а уколоть, не раскрываясь, невозможно. Ну, так мне показалось, на мой... дилетантский взгляд. На страйке тоже больше за мной следил, чем за противником. Машину водишь осторожно. Частенько оглядываешься. Прислушиваешься к чему-то. Ты вообще очень осторожный человек, Шермер. Осторожный и сдержанный. Но это не так плохо: моей несдержанности на обоих хватит. Зато здесь... очень хорошо и легко. Твоя берлога говорит о тебе больше, чем ты готов рассказать сам. Оглянись.

Томка стояла посредине его жилища, уже привычно пощипывая подбородок, и улыбалась. Румянилась и пьянела от собственной развязности и легкости. Чуть кривила губы, чуть поднимала

брови, чуть суживала глаза. Ровно настолько, чтобы он это заметил. Павел так бы и подумал, если бы не ее пальцы. Они дрожали, медленно расстегивая кнопки ладного камуфляжа. Да и глаза словно избегали его взгляда.

Павел огляделся. Попробовал взглянуть на собственный интерьер ее глазами. Высокий потолок. Пара больших окон. Огромная кровать между ними или, как говорил с завистью Димка, окончательный брачный постамент. Стенные и книжные шкафы, прикрытые зеркалами и стеклом. Зауток с компьютером. Диван, кресла, подушки на полу. Уютная кухонная зона. Светильники. Несколько странных картин, купленных по случаю. Изображенные на них шуты словно играли в «замри-отомри».

— Отомри, — как всегда, прошептал Павел. Или подумал.

— Здесь хорошо, — она бросила на кресло куртку. — И я вижу, что баб ты сюда не водишь. Спасибо. Ой! Глупость сказала? Глупею на глазах. Это от счастья. К от орая из двух дверей в ванную? Левая?

— Правая. — Он по-прежнему стоял у дверей. — Хотя до ремонта было наоборот. Захотелось ванную с окном. Слева — гардеробная.

— Там найдется место для пары платьев?

Павел не ответил. Томка растерянно

улыбнулась, выпятила нижнюю губу, подула на раскрасневшееся лицо, взъерошила волосы.

— Чистое полотенце — там. — Он не узнал своего голоса. — В ванной. Третья дверца слева.

— Не бойся, — попробовала она ему подмигнуть. — Где же эта фраза? Я же ее учила. А? В от! Если ты захочешь со мной расстаться, я исчезну быстрее, чем ты поймешь, что именно ты этого захотел. Ну как? Классно придумала?

02

— Оп-ля! — прохрипел Димка, вытаращив глаза и отплевываясь от пыли. — Вот это кода⁵!

— Как бы не увертюра⁶, — судорожно прошептал Павел, тут же встряхнулся, припал на руки, быстро осмотрел днища обеих машин, смахнул мусор с головы и плеч. — Или преамбула⁷,

⁵ *Кода* — (итал. — хвост, конец, шлейф) — дополнительный раздел в конце музыкального произведения.

⁶ *Увертюра* (фр. — вступление) — инструментальная пьеса, исполняемая перед началом представления.

⁷ *Преамбула* (фр. — идущий впереди, предшествующий) — в праве — вводная или вступительная часть правового акта.

как говорит Дед... Телефон с тобой?

— Вот! — дрожащей рукой полез в карман Димка. — Как учили в шпионских фильмах, никаких барсеток и сумочек — ключи, документы и средства связи всегда под рукой. Черт возьми! Мы ж с тобой заново родились, Шермер! Что же это так долбануло? В ушах звенит. Смотри-ка! Черт меня раздери!

Из носа Дюкова пошла кровь. Раскуроченный сервис одевался клубами дыма, сквозь открытые проглядывали языки пламени. Небольшой, но успешный бизнес стремительно обращался в пепел.

— Значит, так. — Павел огляделся, всматриваясь в притормаживающие на трассе машины, потерял сознание, попытался собраться. — Звони в пожарную, в милицию. Ни слова лишнего никому: вышли на улицу — оно и взорвалось. Деду и Бабичу позвоню сам. Хотя бы и не платили никому, а уважение оказывали. Должны помочь. Клиентов пока не дергай. Родных — не дергай. Нечего зря волновать. Да и какие у тебя тут родные? Все равно не звони, пусть до них и полшарика. Лучше вообще не делай лишних звонков, о последних клиентах менты все одно выпросят, а о старых забудь. И подумай, подумай, кто мог нам так удружить. Вот, кстати, и причина уехать за океан. К мамочке и папочке. Звали, говоришь?

— Как это — уехать? — Димка растерянно захлопал глазами, размазал кровь по щекам. — С бизнесом все? Я еще за квартиру не расплатился! Да и за эти три колымаги отвалить придется.

— Посмотрим, что с бизнесом. — Павел стянул резинку с хвоста, сел за руль. — Наш с тобой бизнес в головах и в руках. А они пока целы. Выпутаемся. Страховка есть, клиентов не обидим. Теперь бы только разобраться... Да, в страховую компанию тоже позвони. А я свяжусь с тобой чуть позже. Надо кое-что выяснить. Срочно выяснить. И «фолькс» свой отгони, сейчас тут пекло будет. В пристройке баллоны — повезет, если не рванут.

— А ты куда? — закашлялся от повалившихся клубов дыма Димка, выдирая из кармана ключи от «гуарега».

— Что-то с Тamarой, — хлопнул дверью машины Павел.

Пятничная трасса в направлении Москвы была загружена, но не забита, зато навстречу Павлу полз плотный поток. Безотказная, ухоженная машинка шла быстро, хотя не летела. Срабатывала не осторожность, которой иногда попрекала мужа Томка, а здравый смысл. Павел имел правило — все делать быстро, но никогда не спешить. Машинально высматривая в привычных местах дорожную службу, он пытался обдумать ситуацию.

Неприятностей пока было две: Томка не отвечала на звонки, и трудно поднятый бизнес закончился, да закончился не просто так, а с риском для его и Димкиной жизни. И все-таки почему-то главным казался не странный взрыв, а молчание Томки. Ощущение было необъяснимым, но отчетливым. Павел обгонял попутные машины и перебирал в памяти все произошедшие давно или недавно события, вспоминал все, что оставило хотя бы неприметные занозы в памяти. Он был уверен, что именно в четырнадцать часов двадцать две минуты случилось что-то непоправимое, а не минутой позже, и все последующие события будут связаны с тремя двойками и Томкой. И пока он не выяснит, отчего молчит жена, он не узнает и не поймет ничего. Прибавив скорости, Павел вновь набрал телефон Томки, послушал длинные гудки, затем вызвал Дюкова:

— Что там?

— Ничего, — прокричал сквозь рев пожарных машин напарник. — Быстро приехали. И тушить есть чем. Сейчас заливать будут, но, похоже, придется все начинать с нуля. Хорошо, если хоть каркас нашего сарайчика сохранится. Покрасочная камера накрылась, подъемники, полуавтоматы — все с концами. Баллоны откатили — хорошо, что мы их в пристройке хранили, — а все остальное...

— Я не об этом. — Павел притормозил,

кивнув заверещавшему антирадару. — Что с причиной?

— Слушай... — Шум в телефоне несколько стих — видимо, Дюков отошел в сторону. — Тут прибыли специальные ребята. Собираются меня опрашивать. До тебя тоже доберутся. Насчет взрыва интересуются. Тем более что тут в магазинчике придорожном, ну в забегаловке, да в ближней пятиэтажке кое-где стекла вылетели. Так что говорить-то? Взрыв-то, судя по всему, был в дальнем углу, где «победа» стояла. С той стороны вообще стенку разворотило. Они же сейчас потребуют координат клиента. Да всех клиентов!

— Вот всех троих и обзвони, — стиснул зубы Павел. — Предупреди. Хотя «победа» была чистая. Один кузов. Мы же вместе ее осматривали. Да и движок тоже. Некуда там было взрывчатку заложить.

— Не торопись, Пашка, — раздраженно засмеялся Дюков. — Если набить движок тротилом, граната будет еще та. Ты когда его осматривал?

— Неделю назад, — задумался Павел. — Только кроме нас с тобой никто в мастерскую попасть не мог. За всю неделю были два клиента, но стояли за воротами. Сашок Дедовский фильтр менял, да у тебя в машине шгук пять девчонок визжали во вторник, требовали везти их на речку. Кто из них? Еще Томка вчера вечером ждала меня.

Ты глаз с нее не спускал — не заметил фугаса в руках? Дюков. Мастерская на охрану сдается, если ты помнишь.

— А в обед? — забеспокоился Дюков. — Десять минут до рестораника, полчаса там, десять минут обратно. Мы же никогда не сдавали ее на охрану в обед!

— Вот и скажи об этом, — процедил Павел. — Скажи об этом... специальным ребятам. Но если следов взлома на замках нет, и если не пропадали и не попадали в чужие руки ключи, тогда это сделал кто-то из нас.

— Ты правда так думаешь? — после паузы чужим голосом спросил Димка.

— Иди к черту, Дюков, — выругался Павел. — Вот если бы я в подсобке женское белье нашел, точно бы на тебя подумал.

— Это ты иди к черту, Шермер, — с облегчением выдохнул Димка. — Я не ношу женского белья.

Дед ответил на звонок сразу. Поздоровался, молча выслушал короткий рассказ. Павел явственно представил бульдожьих складки на щеках, выступающие скулы, короткую рыжую челку над упрямым лбом, бледные губы, холодные глаза. Дед никогда не отвечал сразу, смотрел несколько секунд на подбородок собеседника и словно

отсчитывал про себя — раз, два, три... — а потом медленно говорил. Точно и по делу. Хотя Павел слышал, что уголовный авторитет Илья Георгиевич Губарев по кличке Дед, ныне хозяин районного хладокомбината и друг мэра, способен ответить мгновенно. Правда, не словом, а ударом ножа. Или ударом кулака в случае мелкой провинности невольного собеседника. Но его собеседники боялись не удара ножа или кулака, а того, что Дед будет смотреть не на подбородок, а в глаза. Дед не часто посещал мастерскую, обычно присылал водилу на восстановленном Шермером и Дюковым огромном «американце», но когда приезжал, разговаривал с Павлом, только смотря ему в глаза.

— Что хочешь узнать? — спросил он наконец.

— Кто? — коротко ответил Шермер. —

Понимаешь, Георгиевич, врагов у меня нет, но я не обольщаюсь по этому поводу. Тут ведь всего два варианта — или есть враг, о котором я пока не знаю, или я попал вместе с напарником под каток. Ну, как муравей. Ползет он себе по асфальту, врагов не имеет, но попадает под каток — и привет вечности.

— Ерунда, — после паузы отрезал Дед. — Я, конечно, поспрашиваю, но ты и сам понимаешь, что ерунда. Враг, о котором ты не знаешь, еще не враг, а каток — не лодка, бесшумно не плавает, его издали слышно. Ты вокруг себя пошарь, парень.

И ищи две загогулилки. Одну — что поострее, вторую — что поценнее. А потом попробуй их соединить. Все и прояснится. Я всегда так делаю.

— У меня ничего ценного нет, — задумался Павел. — Мастерская? Теперь ее нет. Земля под ней? В аренде. До Москвы неблизко, свободных участков рядом — навалом, почти все с коммуникациями. Квартира? Не те времена. Да и не та у меня квартира...

— Не там ищешь, — закричал Дед. — А Тамарка твоя? Поверь мне, парень, таких баб больше нет. Если бы не ее гонор, да не то, что она приросла к тебе, как приклепанная, давно бы ее у тебя увели. Купили бы. И пытались, поверь мне. Только вот она не продается, как оказалось.

— Кто пытался? — похолодел Павел.

— Да хоть бы и я, — загукал смешками Дед. — Не волнуйся, все цивильно обставил! Увидел как-то ее в твоей железке, зацепила! Так зацепила, что в глазах потемнело. Ну что же, навел справки, разыскал, пришел в этот фитнес-центр, половину свою записать, да так в лицо девке и выложил: все сделаю, в Европу увезу, спортзал этот выкуплю и подарю, все, что захочет, организую, если моей станет. Не ерзай попусту, тому уж скоро год, как минуло. Я ж не знал, что у вас все серьезно. Да если бы и знал... Кто успел, тот и съел, как говорится. Ладно. Вы ж тогда еще и расписаны не

были? Я и пальцем ее не тронул, а тронул бы, боюсь, шею бы она мне свернула. Или еще чего похуже. Она ведь может, поверь мне. Пообещала, кстати, если я до тебя дотронусь. Порчу навести пообещала! И навела бы. Привет ей передавай, но имей в виду — если твой бриллиант до сих пор не украли, не значит, что ни у кого на него слюна не течет.

— Она не отвечает на звонки, — сквозь зубы процедил Павел. — С утра уже, кажется. Как раз еду домой.

— Так, значит? — протянул Дед. — Преамбула интересная, ничего не скажешь... А при чем тут мастерская? Думаешь, кто-то решил, что у нищего легче девку увести? Конечно, если тебя не знать, можно представить, что бросит тебя Тамарка, останься ты без штанов... Так ведь не бросит... Или кто-то умный занять тебя решил, чтобы ты на поиски женушки не отвлекался?

— Не знаю, — отдельно произнес Павел. — Ладно, с ценной загогулиной определились, что с острой? Ничего не кололось пока.

— Вот и уколело, — задумался Дед. — Обдумай все. Не спеши никуда, остановись, замри, подыши. В своем прошлом не найдешь — в ее прошлом ищи. Или в своем... настоящем. Мне, кстати, Димка твой не нравится. Какой-то он... сладкий. Хотя вроде бы мужик...

— Ага, — кивнул Павел. — Он и взорвал мастерскую, чтобы с ипотекой повиснуть и без копейки остаться. Уложит чемоданчик — и без гроша отправится к маме и папе.

— Я бы в тот чемоданчик заглянул, — задумался Дед. — Хотя как раз этот вариант пропажи твоей Томки не объясняет. Слабоват он против нее. Я даже думаю, что она потому и приросла к тебе, что конкурентов у тебя нет. Или и вправду влюбилась?

— Спасибо, Георгиевич, — грустно усмехнулся Павел, — только сейчас меня твои слова не согреют.

— Так я и не лечу тебя, парень, — хмыкнул Дед. — Думаю вслух. Ты не спеши панику поднимать. Найдется твоя Томка. Такие, как она, просто так не пропадают. А уж мастерская... Не гони, ты, когда затевал все, вообще с ноля начинал. А теперь немало народу в тебя вложиться захочет. Да хоть и я. На хороших условиях. А если что, переходи ко мне, сделаю тебя главным инженером.

— Какой из меня главный инженер? — натянуто рассмеялся Павел.

— Отличный, — строго ответил Дед. — У тебя лицо... правильное. Внушительное лицо. Ответственное. Со значением. Это главное... для главного инженера.

— Спасибо, Георгиевич, — сказал Павел и

поставил пробивающегося Бабича на удержание. — По-любому спасибо.

— Не за что, — отключился Дед.

— Ну, — раздался в трубке знакомый, с визгливыми интонациями голос начальника милиции. — Докладывай. Что, куда, откуда, зачем? Чего сорвался-то?

— Беда не ходит одна, Игорь Анатольевич, — объяснил Павел. — Кажется, женушка моя пропала.

— Смотри-ка, — нервно хохотнул Бабич. — Ну, при всем моем к тебе сочувствии, женушку твою московская милиция будет искать, а вот твой взрыв на моей земле первый за последние лет шесть. И это даже с учетом бытовых случаев. А уж по мощности... Так что ты там с женушкой выясняй все — и ко мне, следователь Мартынов из прокуратуры будет делом заниматься. Конечно, если на твоих руинах спецы чего серьезного не обнаружат. Мне тут намекнули, что по первым прикидкам серьезно поболее килограмма в этом, как его, тротиловом эквиваленте выходит. Кому ты дорогу перешел, Шермер?

— Да вот, Игорь Анатольевич, сам гадаю. — Павел сбавил скорость, пересекая МКАД⁸. — Но

⁸ МКАД — Московская Кольцевая Автодорога.

угроз не было. Ни угроз, ни предупреждений. Вы же меня знаете, Игорь Анатольевич, у меня врагов нет.

— Враги есть у всех, — внушительно произнес Бабич. — Даже у тех, у кого друзья круче прочих. Это чтобы ты на ус намотал. Опять же, заводя друга, имей в виду: если у него есть враги, стало быть, они уже есть и у тебя. А ты говоришь, врагов нет. Врагов завести большого ума не надо. Вот, к примеру, пошел я работать в милицию, не имея ни одного врага. Как думаешь, когда они у меня появились? Когда я первого задержанного в отделение приволок? Или когда первого барыгу за одно место прихватил? Нет, дорогой. В тот самый момент, как форму милицейскую надел. Так и ты. Кому-то наплевать, что ты копаешься в рифленке своей у трассы, а для кого-то ты персональный враг. Сволочь и кровопийца. Да хоть бородавка на щеке! Не болит, а все равно неприятно.

— У кого кровь-то я высосал, Игорь Анатольевич? — поморщился Павел, уходя с магистрали к микрорайону. — По эту сторону Москвы точно никому дорогу не перебегаю. У меня бизнес микроскопический! Кто тут еще, кроме меня, раритетами занимается? Да и все раритетчики друг к другу с уважением. К тому же я и среди них не совсем свой, я ж редко чистоту блюду, прячу под капоты всякую современщину. Так и родную

запчасть для них же сберегаю — они у меня только что не пасутся. Не вживую, по телефону, Игорь Анатольевич. Посторонних не пускаю в мастерскую. И цены держу на уровне: заказчиков много, так я много обработать не могу, да и тех, что откладываю, не злю. Вы же знаете!

— Знаю, — хмыкнул Бабич. — Руки у тебя золотые, Шермер. Не потому ли держишься ты на своем месте, или держался, что руки у тебя золотые? Небось поднимал капотики для больших людей? Много знакомых с корочками да мигалочками? Ладно, не дергайся. Кто старое помянет... Вот к кому я теперь поеду, если в моей колымаге что-то застучит или засвистит? Кто мне на слух скажет, что в ней заменить или подкрутить?

— Я вашу машинку, Игорь Анатольевич, и без рифленки послушаю, — ответил Павел. — Даже по телефону послушаю и все скажу. С вашей-то стороны есть что? Я, конечно, не знаю, что там спецы найдут, но взрывчатку я в мастерской не хранил, это точно. И машины, что у клиентов принимал, обнюхивал до винтика, ученый я насчет порошков подозрительных и патрончиков, берегся — не было там ничего.

— Не было б — не рвануло бы, — проворчал Бабич. — Я вот что тебе скажу. Молись, чтобы там взрывчатки не нашли, может, бытовуха какая. Баллон рванул...

— Не было там баллона, Игорь Анатольевич... — не согласился Павел.

— Скажу — будет! — рявкнул Бабич. — Ты что, хочешь мне теракт подвесить? Или бандитскую разборку? Нет у меня пока ничего по твоему взрыву. Куда ни ткнусь, ты тут везде то ли за блаженного, то ли за непререкаемого авторитета по слесарным делам проходишь. И вот что я тебе скажу, парень: к женушке своей присмотришь. Я слышал, что она у тебя красавица, каких мало, так вот имей в виду, что самый красивый гриб в лесу — мухомор. Понял?

— А знаете, Игорь Анатольевич, — Павел кивнул охраннику на КП, въехал во двор элитного дома, остановился у подъезда, посмотрел на свою лоджию на четвертом этаже, — я вот слышал, что лоси едят мухоморы, и ничего...

— Едят, — согласился Бабич и визгливо рассмеялся. — А ты видел, какие у них рога? Ладно. Не бери в голову. Жду, короче, тебя. Крайний срок — завтра, и то только потому, что напарник твой сейчас показания дает.

Трубка загудела. Павел еще раз посмотрел на лоджию, сбросил ремень, медленно выбрался из машины, огляделся, попробовал размять пальцы, кончики которых все еще казались каменными. В уютном дворике тоже жил август. Не успевшие раздаться стволами тонкие клены и рябины только

начинали сверкать желтыми искрами листьев. На детской площадке визжала детвора. Худой таджик выскребал граблями газон. Павел щелкнул телефоном. Выбрал тестя. Тот все еще был вне зоны досягаемости.

03

Обстоятельного разговора с тестем не получилось. Ни в первую встречу, ни во вторую, хотя что-то вроде молчаливого перемирия выстроилось. На свадьбу, которую Павел устроил в тихом месте на далекой турбазе, Виктор Антонович не приехал, по телефону говорить с зятем отказывался, сухо здоровался и просил передать трубку Тамаре. Томка пожимала плечами и смешно надувала губы, всем своим видом давая понять, что папа у нее не подарок и сделать с этим ничего нельзя.

Первый раз она решила представить мужа отцу только через полгода. Майор обитал в дачном поселке на окраине старинного подмосковного городка, в часе езды от мастерской, в двух часах от Москвы и не так уж далеко от родного города Шермеров. Когда машина Павла сползла с асфальта и зашуршала по усыпанной раскисшим известковым щебнем дороге, Томка нервно переплела пальцы и напрягла скулы. Павел даже

удивленно поднял брови — он уже привык, что его жена ко всякой возможной неприятности относится с легкой усмешкой. Когда же он увидел тестя, напряг скулы и сам. Первое, что почувствовал Шермер, разглядев лицо майора, была уверенность, что тот способен убить человека и, возможно, проделывал это неоднократно. Если бы не колючий взгляд серых глаз, тесть показался бы обычным отставником, разве только успешнее прочих сохранившим выправку и физическую форму: ни градуса сутулости не оказалось в его почти двух метрах роста. И черты его были обычными: лицо — крупным, чуть вытянутым, глаза под зауженным лбом и широкими надбровными дугами — несмотря на мгновенную колючесть, почти добрыми, губы — полными, складки у рта — резкими, морщины на висках и лбу — мелкими и частыми, волосы — темными, редеющими, с сединой. Но все вместе эти черты не только складывались в довольно приятное, если не сказать красивое, лицо, но и почему-то звучали нотками смертельной опасности. Интересно, с неприязнью подумал Павел, не слышно ли в окрестностях о похождениях какого-нибудь маньяка?

Тесть встретил молодых у калитки небольшого, но крепкого домика. Легко снял блок штакетника, который тянул никак не меньше чем на пару пудов, дождался, когда Павел загонит машину

и поставит ее возле забрызганного грязью уазика, и так же легко вернул заборину на место, но ломать пальцы зятю ладонью-лопатой не стал. Пожал руку спокойно, едва касаясь. Так же спокойно поймал другой рукой Томку за загривок, как котенка прижал к себе и больше не посмотрел в ее сторону и не обмолвился с ней ни единым словом до тех самых пор, пока не пришло время вновь снимать штaketник и выпускать «импрезу» Павла на волю. Томка повела мужа в дом, проходя через сени, он наклонился, чтобы не разбить лоб о притолоку, и вдруг оказался в солдатской казарме. Узкая комнатка, отгороженная от кухни печкой, не могла похвастаться не только обычной деревенской обстановкой, но и подобием уюта. Постель на железной кровати была заправлена байковым одеялом и даже отбита по-армейски по краю в складку. Единственная табуретка имела прорезь для руки и была выкрашена вместе с полом и дверными косяками в узнаваемый коричневый цвет. Бельевой шкаф часть прошлой жизни явно провел на мебельном кладбище и все еще не вполне ожил.

— Сюда! — позвала мужа Томка из-за печки, где отыскалась крохотная кухонька. Посадила его за покрытый клеенкой стол и стала выкладывать из сумок гостинцы: колбасу, сыр, московский хлеб, водку, затянутую в пленку копченую рыбу. Все это тут же перекочевывало в старомодный холодильник

«ЗИЛ».

— Теплая, — заметил Павел, приложив ладони к беленым, но вытертым печным кирпичам.

— Топил, — пожала плечами Томка. — Чего ты хотел, апрель же.

— Непривычно как-то, — засмеялся Павел. — Печка. Туалет на улице. Назад к природе? Еще есть что интересное?

— Вот, — прошептала Томка заговорщицки и присела на корточки у печки. — Видишь? Умереть — не встать! Эта дырка называется «шесток».

— «Всяк сверчок знай свой шесток», — тут же вспомнил Павел. — Там что? Шанцевый инструмент?

— Ухваты. Кочерга. Совок для золы, — загремела отполированными рукоятями Томка. — А если руку подальше засунуть, справа внизу кирпич вынимается, а за ним — нычка. Бутылка водки. И не боится, что выдохнется от жара. Хотя жара там и нет никакого — прохлада с погреба, жар, наверное, вверх идет. Представляешь? Мамки уже лет двадцать как нет, в этом доме она и не была ни разу, а майор до сих пор по привычке нычку сохраняет. Ой! Идет!

Тесть загромыхал в сенях сапогами, вошел в кухню, которая сразу стала еще теснее, бросил на стол деревянный кругляшок и водрузил на него закопченный чайник. Томка тут же загремела

посудой, тесть, не глядя на дочь, кивнул и, выложив на клеенку ручищи, терпеливо дождался стакана горячего чая, в который опустил два куска сахара, позвякал ложкой и тут же отпил половину, словно из чашки и не поднимался клубами горячий пар.

— Образование?

— Автодорожный, — постарался скрыть всегдашнюю ухмылку Павел.

— Служил?

Голос майора звучал глухо, но резко.

— Служил, — кивнул Павел. — Батальон связи. Водителем. Механиком.

— «УАЗик»? — поднял брови тесть.

— БТР ⁹, — ответил Павел. — Но и с «УАЗиком» справлюсь.

— Однако на «японце» едешь, — буркнул Виктор Антонович. — Отечественные машины надо любить.

— Как же их любить, если их тот, кто делает, не любит? — не согласился Павел. — Я как раз отечественными машинами в основном занимаюсь. И «УАЗиками» в том числе. Не одну до винтика разобрал. Все отечественные машины одной конструкции — «сделай сам» называется.

— Руки покажи, — потребовал майор.

⁹ БТР — бронетранспортер.

— Пожалуйста, — Павел с улыбкой раскрыл ладони.

— Так... — тесть презрительно прищурился. — Мозоли есть, а пальцы не сбиты.

— А зачем пальцы сбивать? — удивился Павел. — При хорошем инструменте да умной голове... В перчатках работаю. Руки мою. Ухаживаю за ними.

— Ухаживает он... — пробурчал майор. — Ты вон... за Томкой лучше ухаживай, совсем от рук отбилась девка.

Грохнул о стол стаканом, поднялся и вышел из избы.

— Вот и поговорили, — с облегчением выдохнула Томка. — Ты ему понравился.

— Да ну? — удивился Павел. — А мне показалось, что он придушит меня сейчас.

— Показалось, — улыбнулась Томка. — Он... добрый на самом деле.

— До жути добрый, — рассмеялся Павел. — Если в нем и была доброта, то он передал ее дочке без остатка. Кстати, что-то не похоже, что ты в этом домике выросла.

— Не в этом, — кивнула она с готовностью. — Последнюю квартиру продали, когда я школу закончила. Помоталась я по этим школам, повидала... разного, ни в одной больше пары лет не училась. Я ведь когда доучивалась,

сама за собой смотрела. Отец в отставку вышел и уже двигал по этим своим газораспределительным станциям, а мамку я почти и не помню. Так... отдельные картинки словно. Может быть, он и злится на себя, что приглядывать за мной толком не мог. А там уж я и школу закончила. Тогда он продал квартиру, перебрался из-за Урала сюда и купил этот домишко. А на разницу я поехала Москву завоевывать.

— И завоевала? — Павел внимательно смотрел на Томку. Иногда ему казалось, что она чего-то не договаривает.

— Жизнь покажет, — вернула жена на лицо улыбку, потянулась. — Да и разница была, прямо скажем, мизерная. Что уставился? Не нагледелся еще?

— Никогда не нагляжусь, — кивнул Павел. — Ты не похожа на отца.

— Значит, похожа на мать. — Она села напротив, подперла подбородок ладонями. — Или ты хотел, чтобы я была вот такого же роста, как батя, и с такой же физиономией?

— Я бы от страха давно уже умер, — сделал серьезное лицо Павел. — Да и в фехтовальном зале ты б зарубила меня. Пришла бы с двуручником и...

Томка прыснула, не сдержал улыбки и он.

— А фотографии какие-нибудь детские у тебя есть? Фотографии мамы? Детские рисунки? Я хотел

бы посмотреть.

— Нет ничего. — Она прикусила губу, уставилась в окно. — Ничего не осталось. Нет, можно было бы найти каких-нибудь одноклассников, мотнуться на Сахалин, в Хабаровск, в Красноярск. Порыться в их альбомах, отыскать мою физиономию, но своего ничего не осталось. Мы тут с отцом вообще без вещей оказались: контейнер наш пропал на железной дороге, так и не отыскали его. А скорее, отыскали, да не мы. А знаешь, я и рада этому. Ничто не тянет, ничто не рвет на части. Зато я вся тут перед тобой, без прошлого. Вся здесь.

— Отец твой без акцента говорит, — заметил Павел.

— Так это мать моя из Прибалтики, а не он, — подмигнула мужу Томка. — Я ее язык раньше русского выучила. Когда мамка умерла, отец меня вообще не понимал. Я по-русски только в школе начала говорить. Имей в виду, что и ты будешь мой язык учить. Вот уж что у меня от мамы осталось, так это язык. Хочу, чтобы мои дети не только русский знали, но и родной. Вот научу тебя первым словам и буду требовать, чтобы дома со мной только на моем языке говорил!

— И ты думаешь, что напугала меня? — Павел поймал ее за талию и произнес несколько тягучих фраз. — Правильно?

— Смотри-ка! — обрадовалась Томка и перевела на русский: — «Извините, сейчас никого нет дома, но если вы оставите сообщение, мы обязательно свяжемся с вами». Когда ты успел выучить? Я же пошутила, потом записала на русском. Зачем пугать твоих клиентов?

— Ты же знаешь, — он прикоснулся губами к ее шее. — Клиенты не звонят мне домой.

— Тихо. — Она вырвалась из объятий, и Павел успел заметить мелькнувшую за окном тень. — Он этого не любит.

— Ну, я же не его обнимаю?

Павел поднялся, взъерошил Томке волосы, подмигнул ей.

— Пойду налаживать контакт.

— Будь осторожнее. — Она шутливо зажмурилась.

Тесть стоял между кособокой банькой и домом, прижавшись спиной к неказистой беседке, попыхивал сигаретой, оглядывал огородик. Кусты смородины, крыжовника были подвязаны проволокой. Яблоньки побелены. На грядках под рукавами полиэтилена пробивалась первая зелень.

— Когда все успеваете? — спросил Павел.

Тесть обернулся, выпустил клуб дыма, медленно отчеканил:

— Мир не без добрых людей. Соседка помогает. Не бесплатно.

— Что это у вас?

В кулаке у тестя был зажат странный прибор, напоминающий миниатюрный отбойный молоток. Только рукоять его была разомкнута, да вместо хвостовика темнел раструб шириной в два пальца.

— Газоанализатор, — проворчал тесть, свернул рукоять набок и сунул прибор в карман куртки, вновь затянулся сигаретой, не сводя косого взгляда с зятя. — Почистить собрался. Что делать будешь?

— Делать? — не понял Павел. — Так уже делаю. Живу. Работаю. Хочу растить детей. Потом внуков. Ну, дом хочу построить. Деревья посадить. Много деревьев. Все же просто.

— Да ну? — криво усмехнулся тесть. — Проще не бывает. А здоровья хватит?

— Не жалею, — твердо сказал Павел. — Вы не одобряете выбора дочери?

— Выбора дочери? — Тесть прищурился, бросил быстрый взгляд через плечо зятя.

Павел обернулся. Томка стояла в дверях домика и на лице ее была написана такая тревога, что он почувствовал боль в груди. Она поймала взгляд Павла, улыбнулась, но тревога не исчезла, утонула в глазах.

— Мы поехали, папа, — сказала негромко.

Тесть отбросил сигарету, пошел к забору, поднял блок штакетника и стоял с ним в

выставленных перед грудью крепких руках, пока Павел и Томка не уселись в машину, не выехали на узкую улочку и не укатили по пробивающемуся сквозь известняк подорожнику прочь.

Ехали молча. Уже у самой Москвы Томка сбросила ремень безопасности, наклонилась и уткнулась носом в плечо Павла.

— Все будет хорошо, — постарался он ее успокоить.

— Не сомневаюсь, — чуть слышно прошептала она.

04

В какой-то момент, стоя у машины и как бы разминая несуществующую сигарету, Павел понял, что тянет время. У него уже не было мастерской, возможно, что-то стряслось с Томкой, но именно там, в квартире, должен был наступить конец его прежней жизни. Ощущение было столь явственным, что ноги отказывались нести его наверх, наливались свинцом. И тем не менее, он открыл дверь подъезда. Опасности вроде бы не было, там, наверху, его ждала не опасность, а ясность, но к горлу подступала легкая тошнота, словно ему предстояло неприятное и грязное дело. К тому же не проходил звон в ушах, и пальцы казались каменными, как никогда, хотя оставались

мягкими. Павел ощупал каждый и даже прикусил слегка, до боли. Тяжесть и твердость не исчезли. Он тряхнул головой, чтобы сбросить накатывающий морок, несколько раз глубоко вдохнул и ускорил шаг, прижимаясь к стене и не спуская глаз с лестничного просвета.

Дверь в квартиру была заперта. Павел не стал звонить, достал ключ, вставил в замок, медленно повернул. Запор щелкнул. Дверь ослабла, но не подалась — значит, была заперта снаружи. Звякнул второй ключ.

— Все будет в порядке, Томка, — прошептал Павел и на мгновение закрыл глаза. До сегодняшнего дня он был уверен, что может справиться с любой неприятностью, но накатывающая беда опережала его, и осознание этого вызывало глухое раздражение, перерастающее в гнев. — Спокойнее, — приказал он себе и толкнул дверь.

В квартире стояла почти полная тишина. Чуть слышно тикали часы на стене, постукивали жалюзи от сквозняка, доносился детский щебет со двора. Павел шагнул внутрь. Ни в комнате, ни в ванной, ни в кладовой никого не было, он почувствовал это сразу, но все-таки замер у входной двери. Кровать была разобрана. Даже подушка лежала на том самом месте, где Томка потягивалась с утра, мурлыча от его поцелуя. Она вставала на час позже,

но никогда не оставляла постель неубранной. Все остальное находилось на первый взгляд на привычных местах. Разве только дверца в гардеробную была неплотно прикрыта, да полотенце валялось на полу.

Неожиданно Павел подумал о том, что прожитый им вместе с Томкой в этой квартирке год был по-настоящему счастливым. Если он когда-то и чувствовал себя неприступной крепостью, то забыл об этом в тот самый день, когда приоткрыл крепостные ворота, чтобы впустить Томку. Она взяла его без боя, но сделала это не бесцеремонно, не грубо, не назойливо. Порой Павлу казалось, что она сделала то, что должен был делать он. Познакомилась, ухаживала, сделала предложение. Она стала частью его жизни так естественно, что вскоре Павлу стало казаться, что Томка всегда была рядом, просто он был слеп половиной глаз, глух половиной чувств, и когда волею providения исцелился, всего лишь разглядел неведомую часть самого себя. Неведомую, но нужную. Необходимую. Едва ли не главную.

Томка оказалась именно такой, какой и привиделась ему при первой встрече, — своенравной, взрывной, горячей, глубокой, умной, яркой, нежной, чувствительной. И насколько с нею было интересно и тепло, настолько без нее становилось скучно и холодно. Даже если она

работала в зале и не могла подойти к телефону на протяжении часа. Но главным оказалось все-таки не это. Всей кожей, каждым нервным окончанием Павел чувствовал — он сам нужен Томке. И нужен не как кусок пластического материала, из которого она попытается вылепить что-то необходимое именно ей, не как шурф, в котором она сможет добыть нужный минерал, а именно он сам. Такой, какой есть, со всеми углами и несуразностями, с привычками и причудами, с вечной ухмылкой и молчанием, с внезапными желаниями и постоянным, иногда чрезмерным, как, должно быть, виделось со стороны, спокойствием.

Томка захватила его с п от рохами. Ощущение счастья было столь полным, что временами Павел начинал изнемогать от выпавшей ему удачи. Он был переполнен счастьем, болен им. Пьян от счастья. И он заглядывал в зеркала и витрины, чтобы разглядеть признаки болезни или опьянения на собственном лице, но видел только хитро прищуренные глаза закоренелого счастливца. Чего уж скрывать, ироническая ухмылка и спокойствие не покидали его несм от ря ни на что, даже если сопровождалась учащенным сердцебиением.

Вот и теперь Павел внезапно почувствовал странное, напряженное, но спокойствие. Такое же спокойствие охватывало его, когда он выходил на фехтовальную дорожку или, в юности, переступал

порог додзё¹⁰. Неспроста Томка говорила, что он даже нервничает не так, как все. В те минуты, когда следовало дать волю эмоциям, Павел слегка бледнел и становился как будто медленным и тягучим, что не мешало ему проявлять и быстроту, и мгновенную реакцию. Точно как тогда на трассе, когда фура еще только начала сминать кузова малолитражек, а он уже сунул в руку Томке телефон, крикнул «Звони в «скорую» и пожарную» — и помчался к месту аварии, сжимая в руках не только огнетушитель и аптечку, но и знак аварийной остановки.

Тот день был тяжелым. И Томка не подкачала. Она не испугалась ни изувеченных тел, ни огня, только с тревогой поглядывала на Павла, словно пыталась угадать, чужая ли кровь на нем, или успел пораниться и ладони вымазаны в его собственной? Тогда они добрались до теста затемно. Майор точно так же поднял блок штакетника, запустил машину во двор, а потом вынес из дома старый матрас и в летнем полумраке отнул скуластым лицом в сторону баньки. Вода в черной железной бочке над душевой не успела

¹⁰ *Додзё* — зал для занятий кендо, место, где проходят тренировки, соревнования и аттестации в японских боевых искусствах.

остыть после жаркого дня. Томка гоняла в ладонях п от рескавшийся брусок коричневого мыла и яростно натирала спину Павла куском жесткого поролона. Он жмурился под горячими струями и думал, что если и будет в его жизни х от я бы еще несколько таких вечеров, то памяти о пережитом ему хватит на долгую старость. В кособоком строении пахло полынью и гнилым деревом. Тома натянула на матрас ветхую простыню, напихала в наволочки пересушенных на солнце половичков, бросила сверху плед, к от орый Павел всегда возил в багажнике. И позвала:

— Иди сюда.

Точно так, как и в их первую ночь, когда он вышел из душа и увидел ее, изогнувшуюся посредине его огромной кровати, положившую подбородок на руки, поймал взгляд, которым она готова была его высматривать столько, сколько нужно.

Димка Дюков долго не решался спросить о том, что его мучило. Томка уже бросила съемную и со скромной коллекцией платьев перебралась к Пашке, да и сам Димка успел напиться на свадьбе друга и толкнуть речь, что именно из-за негодя Шермера он останется холостяком на всю жизнь, но решил спросить приятеля о главном, для него — Дюкова — главном, едва ли не через полгода.

— Паш... — Димка поморщился, пригладил

волосы, кашлянул, сморкнулся и все-таки, махнув рукой, спросил: — Только не обижайся. Не ради любопытства. Ты понимаешь, эта твоя Томка для меня — как инопланетянка. Ну, словно какой-то третий пол. Неведомое существо. Вон, даже говорит с каким-то акцентом. Поэтому я и рискую нарваться собственным носом на твой кулак. Я ж Костика расспрашивал. К ней многие подкатывали, в том числе и такие, до которых не только мне, но и тебе расти и никогда не дорасти. Однако вот выбрала она тебя. Поэтому ну ладно, будь что будет, но спрошу. Какая она? Какая она в постели? Взлетает по ночам и кружится у тебя под потолком? Или, может быть, ты набираешь ванну воды, растворяешь там морскую соль, а она превращает тебя в дельфина, и вы плещетесь до утра? Что она такое, Паш? Не дай умереть от жажды знаний!

— Обычная баба, — несколько грубовато оборвал приятеля Павел. — Ты ведь не ждешь от меня отчета, лоции по ее телу? Она самая обычная, понимаешь? И отличается от всех прочих женщин, хотя бы от тех, которых я знал близко, только тем, что она — единственная. Для меня — единственная. Понимаешь?

— Понимаю, — почесал тогда затылок Димка и добавил, от прыгивая от брошенного в него кома промасленной ветоши. — Х от я от лоции по ее телу тоже не от казался бы.

Павел медленно вышел на середину комнаты и огляделся. Кроме неубранной постели, полотенца и приоткрытой двери, ничто не бросилось в глаза. Он подошел к брошенному лежбищу, наклонился, почувствовал запах ее тела, закрыл на мгновение глаза, унимая головокружение. Отчего ты жмуришься? — смеялась Тома, когда он приближался к ней, гладил ее кожу, дышал ею. Высоты боюсь, — серьезно отвечал он. — Я не умею летать. А когда я с тобой, мне кажется, что я лечу. Ты умеешь летать, — отвечала Тома и повторяла: — Умеешь.

«Все», — неожиданно пришло в голову Павлу.

Так неожиданно, что он даже вздрогнул и оглянулся. Слово будто прозвучало в пустой квартире. Павел оторвался от постели, вновь оглянулся, стараясь заметить хоть что-то. Подобрал с пола полотенце, нажал кнопку автоответчика. Он был почти пуст. Один за другим прозвучали два недоуменных монолога Костика, затем полное сарказма восклицание Томкиной сменщицы Людки: «Ну, спасибо тебе, подруга, за две смены подряд!» — и все.

В гардеробной на полу валялось платье. Павел поднял его, повесил на плечики, провел рукой по набору Томкиных одеяний. Их было не так много,

но каждое казалось на ней неповторимым и пошитым именно для нее. Поначалу Павел даже удивлялся, что девчонка, которая была абсолютно равнодушна и к одежде, и к украшениям, умела их носить, как никто.

Платья вроде бы все остались на месте. Павел открыл шкаф, пригляделся к стопкам белья. Он не мог сказать точно, но его словно стало меньше. Он еще раз погремел плечиками, сдвинул в сторону панель, прикрывавшую семейный тайник. Прихваченная резинкой пачка купюр не стала тоньше. Затем метнулся в ванную. Зубная щетка Томки исчезла. Не было и ее камуфляжа, брезентовой сумки, ботинок и его дробовика. Пришлось вызвонить Жору.

— Подожди. — Жора-гигант по телефону даже в праздничные дни превращался в важного чиновника в каком-то специальном ведомстве, поэтому просто так поболтать не мог. — Что-то важное?

— Очень, — коротко бросил Павел.

— Тогда жди, перезвоню через пять минут.

Павел подумал и опять набрал Томку. Жужжанье донеслось из секретера. Он выдвинул ящик. На его дне лежали паспорта, карта фитнес-центра, нехитрое украшение и Томкин телефон. Павел нажал отбой и после секундного колебания вызвал меню. Томка оказалась предельно

экономна, имела в контактах всего семь телефонов — Павла, майора с пометкой «папа», бабы Маши — его соседки по даче, фитнес-центра, Людки, Костика-весельчака и Димки, озаглавленного «Дюков-балбес». Все входящие звонки были от Павла, Костика и Людки. И сообщение от майора со словами: «Меня не будет пару дней». Получено рано утром, сразу после ухода Павла. Не в четырнадцать часов двадцать две минуты. Получено и прочитано.

— Пару дней, — задумчиво прочитал Павел.

Жизнь рушилась. Или нет? Он раскрыл Томкин паспорт: фотография была из него выдрана. Открыл заграничный — то же самое. Бросился к компьютеру — посмотреть папки с фотографиями. Папки оказались чисты. Были вычищены даже резервные файлы. Зазвонил телефон.

— Ну? — Жора был чем-то встревожен. — Что случилось?

— Почему случилось? — не понял Павел.

— Ну как же? — хмыкнул Жора. — Ведь важное же? Да и звонишь ты мне на работу впервые. Значит, что-то случилось.

— Томка пропала, — объяснил Павел. — Не вышла на работу, оделась в камуфляж, прихватила мой спринг¹¹, винтовку свою не взяла. К тому же

¹¹ *Спринг* — тип оружия для игры в страйкбол.

оставила телефон, паспорт, кажется, и деньги не брала тоже. Но зубной щетки нет.

— Значит, на ночь, — решил Жора.

— На ночь? — не понял Павел.

— Ну, если взяла зубную щетку, то уж точно собирается просыпаться не дома. — Жора был серьезен. — Ты хочешь спросить меня, где и кто сегодня собирается повоевать? Сразу скажу: никто и нигде. Ближайшая войнушка через пару недель. По крайней мере, насколько это мне известно. Сейчас почти все ребята еще в отпусках.

— Зачем ей дробовик? — не понял Павел.

— Зачем ей твой восемьсот семидесятый¹²? — задумался Жора. — Это как раз просто — он короче, чем ее винтовка. Компактней. Влезает в сумку. Я так понял, она без машины? Только ты не о том спрашиваешь. Какая к черту разница, почему она взяла спринг? Да похвастаться решила. Пошутить над кем-нибудь.

— Бред, — не согласился Павел. — Она бы предупредила.

Перезарядка (ручной взвод пружины) производится передергиванием затвора или цевья.

¹² *Восемьсот семидесятый* — спринг Maruzen SA 870 Sawed-Off.

— Бред, конечно, — хмыкнул Жора. — Только чего гадать-то? Вот вернется — и спросишь. Я бы о многом у нее спросил. Например, почему она до сих пор не бросила тебя, оболтуса? Для таких, как она, положено яхты покупать! Тропические острова! Что она вообще, черт возьми, нашла в тебе?

— Не знаю, — прикрыл глаза Павел.

— Ну и дурак, — вздохнул Жора. — Ты же не оболтус. Ты, парень, редкий на сегодня тип умельца-самородка. Может быть, единственный в своем роде. Перспективный кадр. И она это понимает, поверь мне... Это все, что у тебя приключилось? Добавь чего-нибудь для полноты картины.

Павел коротко рассказал о происшествии в мастерской.

— Весело... — пробурчал Жора. — Так это, выходит, именно ты причина моей головной боли? Из-за тебя меня выдрали с шашлыков? Хотя у меня сразу засвербело что-то — знал же, что в том районе у тебя шарашка. Значит, так, парниша. Слушай сюда. Сначала насчет Томки. Я бы, конечно, наведалься в этот ее фитнес-центр да побеседовал с сотрудниками. Я так понимаю, что весь ее мир состоял из тебя и чуть-чуть ее клуба? Так вот это ее чуть-чуть следует изучить как следует. Но изучение придется отложить. Потом

изучишь, когда она вернется. Я тебе помогу. А пока — прячься.

— Как это? — не понял Павел.

— А вот так! — рывкнул Жора. — Прячься! Заляг куда-нибудь. Заныкайся! Запомни: лучше сильный враг, но известный, чем слабый, но хрен знает кто. Пережди денек-другой. Телефон держи наготове. Я сейчас в твое дело впрягусь, разгребу немного — сразу отзвонюсь.

— А Томка? — не понял Павел.

— Ничего с твоей Томкой не случится, — понизил голос Жора. — Такие, как она... Короче, всплывет. Не в этом смысле, тьфу, тьфу, тьфу, черт! Запомни, главное сейчас — не пороть горячку. Хотя черт его знает... Совпадений же не бывает? Может быть, она от тебя опасность отвести хотела?

— Да какая к черту опасность? — заорал Павел.

— Никакой! — рывкнул Жора. — Мелочи. Маленький взрывчик, от которого сейчас вся моя служба на ушах стоит. Прячься, я тебе сказал!

— Может быть, к тестю? — пробормотал Павел. — Может, она к тестю уехала? Но он вроде бы сам в отъезде...

— Что она там забыла? — не понял Жора. — Подожди, ты же сам говорил, что тесть твой по образу жизни среднерусский спартанец?

— Ну, мало ли... — задумался Павел.

— Подожди... — Павел ясно представил кислую физиономию Жоры-гиганта. — Не пори горячку. И не играй в конспирологию и следствие. Запомни, заговоров — не существует. Хотя преступные замыслы бывают, да. Но все всегда объясняется проще, чем кажется на первый взгляд. Лучше записку от жены ищи. Не могла она ничего не оставить. Она ж в тебя... как кошка.

— Нет записки, — присел на край кровати Павел, взъерошил испорченный паспорт, но о фотографии Жоре ничего не сказал. — Мы никогда не писали друг другу записок. Я вообще не помню Томку с ручкой в руках, кроме загса. Она должна была позвонить. Да, черт возьми, предположим, что Томка ушла от меня. Зачем взяла дробовик? Отстреливаться, если погонюсь за ней?

— Дурак ты, Шермер, — отрезал Жора. — Не могла она от тебя уйти. Не часто ты нас, парень, баловал ее красотой, но то, что я разглядел, однозначно в твою пользу. Девка приросла к тебе намертво. А дробовик... Может, кто из наших просил на тест? Хотя какой тест? Нет сейчас никого в городе... Да и зачем скрывать... Нет, тут что-то другое. А ведь хороший у тебя дробовик. Редкая вещица. Я бы его цену на десять умножил. Наверное, все пластиковые детали металлом заменил? Дальность раза в два выгнал? Он же у тебя теперь ноль-четвертыми поплеывает?

— Жора! — повысил голос Павел.

— Короче, — отрезал великан. — Мне уже совсем некогда, залегай поглубже и жди звонка. Исчезни на время, но не исчезай вовсе, парень.

— Постараюсь, — скривился, согнулся от нахлынувшей головной боли Павел. — В милицию заявлять?

— Не стоит, — твердо сказал Жора. — Во-первых, что ты им скажешь? Что твоя бездетная очаровательная половинка унесла свою зубную щетку? Это я знаю, что Томка бросить тебя не могла, а там...

— А во-вторых? — продолжил Павел.

— Во-вторых, у тебя мастерская взорвалась, не так ли?

— Так, — согласился Павел.

— Ты — подозреваемый, — заключил Жора. — Знаешь, как с подозреваемыми разговаривают в милиции? Держись от милиции подальше. До тех пор хотя бы, пока я сам не разберусь с твоим взрывом. Понял?

— Понял, — нажал отбой Павел и замер. За спиной у него кто-то стоял. Он не слышал ни звука, ни чужого запаха, но явственно ощущал тяжелый взгляд на собственной спине.

— Кто тут? — спросил он и начал медленно подниматься, одновременно нащупывая в кармане короткий нож.

Звук, который он услышал, напоминал свист воздуха из-под отжатого ниппеля. Незнакомец стоял в дверях. В секунду Павел успел рассмотреть коротко стриженную голову на крепкой шее, сглаженные, невыразительные черты лица, черные очки с круглыми стеклами, серый костюм и черную воронку шириной в два пальца, направленную в его сторону. В следующее мгновение воздух в комнате сгустился, подернулся пунктиром оранжевых искр, и тяжелый удар потряс Павла. Его словно накрыло взрывной волной. В глазах у него потемнело, и только по боли в спине и звону Павел понял, что проломил дверцу стенного шкафа. Дыхание перехватило, в висках заломило невыносимой болью, в носу захлюпала кровь, но за миг до того, как вместе с гортанным возгласом незнакомца «Дрянь!» удар повторился, Павел успел метнуть нож. Второй удар он перенес легче, хотя стенному шкафу явно пришел конец. Левая рука защитила глаза, и, глотая в обломках шкафа кровь, Павел успел рассмотреть гримасу на лице незнакомца и свой нож, вошедший в его плечо над ключицей. Незнакомец выдернул нож, уронил его на пол, еще раз повторил «Дрянь!», сорвал что-то с шеи и, осыпавшись черными хлопьями, растворился в воздухе.

С ребенком сразу не вышло. Сначала, мрачней день ото дня, Томка сама ходила по врачам, потом начала таскать Павла. Заставляла его сдавать мыслимые и немыслимые анализы, отправляла на разнообразные, порой малоприятные процедуры, даже устроила таинственную магнитно-резонансную томографию, несмотря на недоумение Павла: а это-то к чему? Он уже начал наводить справки насчет возможного усыновления брошенного ребенка, когда однажды Томка выскочила из фитнес-центра чуть утомленная, но с бодрой улыбкой. Прыгнула в машину, чмокнула Павла в щеку и торжествующе потрясла вакуумной упаковкой с парой десятков пластиковых баночек. Внутри зашуршали белые крапинки.

— Все будет хорошо. — В ее голосе слышалось облегчение. — Была у очень хорошего врача. У очень хорошего. Как он ржал, когда я рассказала, на какие мучения я тебя обрекла! Сказал, что за такого терпеливого мужа надо держаться руками, ногами и зубами.

Она обняла Павла, чмокнула в щеку, шутливо зарычала, прикусив уголок его воротника, и вдруг заплакала.

— Ты что? — Он поймал ее за щеки, уперся переносицей в лоб, слизнул слезу со щеки. — Ты

что? Я с тобой!

— Я знаю, — она спрятала лицо в ладони, стерла слезы, постаралась улыбнуться. — Дурак! Я от радости плачу. У нас все в порядке. У тебя-то уж точно, здоровее, чем ты, не бывает! Доктор так и сказал. Прописал кое-что. Это, конечно, все ерунда, гомеопатия¹³, для самовнушения, можно сказать, но главное не в этом. У меня... — Она, запинаясь, произнесла что-то непонятное. — Ну, если перевести на общегражданский, — повышенный тонус, здоровья слишком много. Нужно просто постараться — и все получится. Может быть, через год, может быть, через два. Не нужно только торопить природу. Врач так и сказал: через два годика приглашайте на крестины. Если не сладится, плачу тысячу зеленых. Если не вам рожать, так кому тогда? Ты понял?

— Как зовут врача? — спросил Павел.

— Тебе зачем? — Она удивленно подняла брови.

— На всякий случай. — Он запустил руку в ее волосы. — Если что, тысяча зеленых уже в кармане. Знаешь, Дюков всегда так на футбол ставит. Болеет

¹³ *Гомеопатия* — метод лечения, главный принцип которого — назначение препаратов, вызывающих симптомы, аналогичные симптомам болезни.

за наших, а рублем голосует за соперника. И ведь по-любому не в накладе. Жаль только, чаще в деньгах выгадывает. Когда стараться начнем?

— А ты разве еще не начал? — замерла она, положив подбородок ему на плечо.

— Нет. — Павел продолжал теребить ее волосы. — Пока еще не старался. Я вообще не хочу стараться. Знаешь, как хорошо не стараться? Я просто живу тобой, Томка.

— Живу с тобой, живу тобой, дышу тобой, дышу с тобой... — Она бросила сумку на заднее сиденье, наклонилась вперед, поймала ладонь Павла, прижалась к ней губами. — Почти стихи. Тогда ты и дальше не старайся, Шермер. Не старайся, пока можно. Если придется постараться, сам почувствуешь. А пока просто живи.

Он и в самом деле не старался. Отдался на волю теплого ветра и уплывал от привычного берега куда-то в солнечное далеко. Иногда даже одергивал себя, особенно когда выскребал узкий подбородок бритвой и всматривался в отражение, пытаясь понять, за что судьба отвесила ему такой бесценный дар. Как так вышло, что в его квартире поселилось чудо, которое умудрилось наполнить его жизнь счастьем, ничего не изменяя в нем самом?

Однажды он спросил ее об этом прямо. В одно из свободных от страйка и работы воскресений,

которое они провели в постели. Вечером, когда в огромных окнах начал краснеть закат и Томка, отдышавшись от жарких дневных объятий, вынырнула из душа и отобрала у него телевизионный пульт, Павел негромко проговорил:

— Почему?

— Ты о чем? — она поняла его сразу, но хитринку спрятала в уголках глаз.

— Почему я?

Тут Томка удивилась всерьез:

— Что творится? Мой самый ироничный и самый невозмутимый муж погрузился в пучину душевных терзаний? Или ты напрашиваешься на похвалу? В самом деле превращаешься в благожелательного зануду?

— Нет, — вернул он на лицо всегдашнюю ухмылку. — Дело в другом. Сбоит немного, — он постучал себя по лбу пальцем. — Не железо, программка глючит. Понимаешь, чем дальше тебя знаю, тем больше удивляюсь. Ты ведь тоже очень осторожна. Мне даже кажется, что ты много осторожнее меня. И вдруг — увидела, пофехтовала, поиграла в войну полденька — и все?

— Ты же ведь не хочешь сказать, что я совершила глупость? — Она надула губы, но тут же расхохоталась. — Или не веришь в любовь с первого взгляда? Может быть, мне нужно было за тобой ухаживать полгода? Вообще кто из нас

мужчина? Кстати, знаешь, смотрюсь в зеркало и все чаще замечаю на своем лице твою улыбку. Наверное, именно так муж и жена становятся похожими друг на друга?

— Ну, надеюсь, что мой нос тебе не грозит... — Он подошел к окну.

Усыпанная черными деревьями снежная равнина таяла во мгле. Вычерченная фарами автомобилей кольцевая казалась рукавом упавшей на землю галактики.

— Захотела, — коротко бросила Томка.

Он оглянулся. Она лежала на постели точно так же, как лежала в их первый раз. Изогнувшись, положив подбородок на предплечье.

— Захотела, — повторила она, перевернулась на спину, закрыла глаза. — Ладно, расскажу, слушай. Людка все уши прожужжала про тебя. Мол, волшебный перепихон, неприступный мен. Холодный как лед и горячий как огонь. Ты не волнуйся, я тебя расспрашивать не хочу ни о чем, мне наплевать, что было до меня. Наоборот, если бы не она, может, я и не отправилась бы в вашу фехтовальню. Но это было только царапиной. Хотя глубокой. Не перепихон, а то, что неприступный. Да и Людка еще сказала, что твой дом — закрытая территория и даже я туда не проникну. Я, собственно, и не планировала, но... Понимаешь, там у нас все просто. В этом гребаном, залитом

потом фитнес-центре. Почти как в бане. Сразу видно, кто чего стоит. Тело на виду. Мы там телами занимаемся. Но и в глаза смотрим. Все, кроме тела, в глазах. Только не богатство: кошельки в глазах не помещаются. Сила, характер, воля — да, а кошельки — нет. Зато видны злоба, чванство, ненависть, зависть, похоть.

Последнее слово она произнесла тихо. Глаза у нее заблестели.

— Дай договорить, — она вытянула перед собой руку, словно останавливала его. — В другой раз, может быть, и не скажу ничего. Я ж затосковала тогда. От пустоты какой-то. Просто почувствовала, что больше не могу. Знаешь, сахар на тебя льется, а тебе не сладко. А потом Костик, как обычно, завел разговор про машины, у него же идея-фикс заполучить какой-нибудь рыдван, чтобы ездил как спортсмен, да и обмолвился, что есть у его приятеля Дюкова друг, который дружит со старыми железками, возвращает их к жизни. Из развалюхи может лакированную сказку сообразить. Холостой мужик, скоро тридцать, но не пристроен, и вряд ли когда пристроится, если даже Людка его захомутать не смогла. Тут я и поняла, о ком говорят. Впрочем, забыла об этом тут же.

Она помолчала, потянулась, раскинулась. Павел присел на подоконник, сложил руки на груди, поймал пальцами подбородок. Совсем как

Томка — и вправду совпадения участились.

— А потом все просто, — она нащупала пульт, выключила бормочущий телевизор. — Дюков пришел к Костику, увидел меня, остолбенел, сделал стойку, попытался обхаживать, начал хвастаться. Ты же знаешь, его несет. Людка как раз появилась, ну и вякнула, что Дюков во всем тебе обязан. Дюков покраснел, но врать не стал. Охарактеризовал тебя классным мастером и добрым чудиком, который тратит свободное время на дурацкое фехтование и еще более дурацкий страйк. Вот я и подумала — не слишком ли много достоинств в одном человеке? Не пора ли на него посмотреть?

— Значит, страйк — дурацкий? — не сдержал улыбки Павел.

— Страйк замечательный, — она вновь закрыла глаза. — Ты понимаешь, я ж дочь офицера. У меня и игрушки были: погоны, патроны да шевроны. И из автомата удалось пострелять, и сухой пожевать. И драться приходилось: должен понимать, что такое — новая школа чуть ли не через год. У отца характер — сам видишь какой, нигде не уживался, бросали нас с места на место. Когда на Сахалине жили, в секцию фехтования он меня и отвел. Мне понравилось. Правда, фехтование там было странное, полуспортивное, что ли. Старичок какой-то преподавал. Отец

говорил, что настоящий самурай. Ну, я и приросла к шпаге. Правда, старичок тот и шпагу держал как-то по-особенному. Недолго мой папенька на Сахалине продержался, но нахвататься я кое-чего успела. Потом из меня долго вытравить ту науку пытались. В Хабаровске и Красноярске уже сама секции находила. Там и к спортивным танцам приросла. Правда, учиться не стала. Зачем тратить жизнь на то, к чему душа не лежит?

— Я удивлен. — Павел сел рядом. — Душа не лежит к спортивным танцам? А к фитнесу? Мне казалось...

— Просто это не главное. — Она перевернулась набок, прижалась, прильнула к нему. — Пока главное — ты. Потом будут дети. И ты. Может быть, какое-то дело. Но пока — ты. Знаешь, я и в самом деле хотела побаловаться страйком. Как-то уж больно жизнь стала становиться гладкой. Да и надоели эти разные... Дюковы. Димка, кстати, неплохой парень. Хотя слюнтяй. Но добрый слюнтяй. Только не мой. А я все одна и одна. Захотелось каких-то перемен. Думала даже прирасти к кому-нибудь типа Жоры-гиганта — большому, мудрому и доброму. Но вот увидела тебя — и все.

— И все? — не понял Павел.

— И все, — она говорила, прижимаясь губами к его запястью. — Увидела тебя — и все.

Остановилась, цапнула себя за подбородок, стою и думаю: видит ли этот скрипач, что я хочу его? Так хочу, что колени дрожат.

— Почему скрипач? — не понял Павел.

— Потому, — она засмеялась, щекоча запястье губами. — Надеть на тебя черный фрак, да чуть плечи сузить — вылитый скрипач. Или альтист. Маловата тебе скрипка будет.

— Я люблю музыку. — Он провел пальцами по ложбинке ее спины. — Но я не музыкант. И согласен поиграть в скрипача при одном условии: если ты будешь скрипкой.

— Понял «почему»? — она поймала его взгляд.

— А разве ты не объяснила? — удивился Павел.

— Объяснила. — Она смотрела на него с интересом. — Только сама не поняла. Если бы я была я, тогда рассталась бы с тобой после первой же ночи здесь. Чего еще надо? Бастион взят. Людка посрамлена.

— И что же ты? — Павел чуть напрягся.

Она поднялась, поймала его за плечи, притянула к себе и единственный раз за год прошептала, словно опрокинула на лицо чашу с горящими углями:

— Люблю...

Больше у них таких разговоров не случилось. Жизнь, в которой мелкие радости чередовались с заботами, понемногу отсчитала почти двенадцать месяцев. Павел начал подумывать о новой квартире или даже строительстве дома. Да и Томка обмолвилась, что ей надоело прыгать перед сорокалетними девочками, еще немного — и четверть века отстучит, надо бы и остепениться. Павел смеялся, потому что слово «остепениться» никак не подходило к его жене, да и он сам ничем не напоминал себе степенного мужика — каждый вечер, каждый день бежал, ехал, спешил домой, словно молодой супруг. Томка отдавалась ему страстно. Павел наслаждался ее телом, тонул в ее глазах и временами думал, что ведь в чем-то прав был оболтус Димка Дюков — Томка Шермер и в самом деле странное, неземное существо, и если бы она взлетела над их чудесной постелью и замерла под потолком, вряд ли бы он так уж удивился, хотя, конечно, ущипнул бы себя очень больно. А потом Павел вовсе перестал думать об этом. За пару недель до той страшной аварии на трассе он подобрал Томку у метро, удивился ее торжественному виду, но расспросить не успел. В зеркале мелькнула тень, от резкого удара стекло правой двери осыпалось, и крепкая рука плотного мужичка дернула Томкину сумку. Павел сорвался с места, но едва успел скинуть ремень с плеча. Томка

опередила. Ухватив негодя за большой палец, завернула его руку от себя и, наверное, сломала в локте. Мужичок взвыл и, хрустя осколками стекла, осел на асфальт. Томка приоткрыла дверь и с внезапным ожесточением оборвала вой резким ударом туфли.

— Поехали, — прошептала она дрожащим голосом и тут же почти сорвалась в визг. — Поехали!

— Ты не убила его? — спросил Павел, когда они отъехали от хрипло скулящего сумочника и с Томкиного лица почти сошла бледность.

— Не знаю... — Она попробовала поймать пальцами подбородок и не смогла. — А если бы и убила?

— Достаточно было сломать руку, — прошептал Павел.

— Нет! — Томка махнула рукой к обочине. — Остановись!

Она впилась в его губы и целовала до тех пор, пока он не почувствовал ее слез, заливших его щеки.

— Что с тобой? — поймал он ее лицо в ладони.

— Ты дурак, Шермер! — рыдая, засмеялась Томка. — Этого козла надо было вообще на части порвать! Он ведь напал не только на твою жену, но и на ребенка! Вчера у меня сработал тест, а сегодня

я была в консультации. Уже две недели!

06

— С тобой все в порядке?

Людка, от макушки до пяточек, от самого неприметного жеста до последнего завитка светлых с позолотой волос сделанная собственными руками, выстраданная и слепленная потом и кровью, отбросила полотенце и расправила плечи. Мозольная и заслуженная красавица.

— Есть сомнения?

Гудение в ушах уже прошло, да и холодный душ сделал свое дело, и Павел, пожалуй, чувствовал бы себя неплохо, если бы не туман, который стоял у него в голове. Не из-за удара странного оружия — из-за событий, скатившихся на него лавиной.

— Сомнений нет, просто ты какой-то... потерянный. — Сухощавая сменщица Томки пожала плечами, прикусила губу. А ведь раньше бросилась бы Павлу на шею, заболтала ногами, заорала бы на весь клуб — Пашка пришел! — пусть даже он появлялся в спортзале через день.

Пару лет назад, когда бизнес твердо встал на ноги, Павел вспомнил увлечение кендо, прибил к фехтовальщикам, в клубе появляться перестал, отдал клубную карту Дюкову, затем в его жизнь

пришла Томка, а там и растаяли прежние дружбы. Забыл он как-то сразу обо всех. И о Людке тоже. Хотя с днем рождения поздравил. Как и прочих.

Людка подошла на шаг, подцепила ногтем Томкино украшение, которое Павел повесил на шею, — серебряный поцарапанный диск с едва различимым рисунком.

— Томка, конечно, девочка со вкусом, но такую ерунду носить... Подарила?

— Забыла, — отрезал Павел, убирая диск под рубашку.

— Чего приперся? Томки не было сегодня.

Спросила нарочито грубо. Но не развернулась, не пошла знаменитой кошачьей походкой, которая однажды заставила Шермера махнуть рукой на привычную сдержанность, догнать и обхватить руками гибкое тело. Не пошла — знала, что далеко ей до Томки. Ну, до Томки всем было далеко. Даже те, кого сам Павел числил по разряду отчаянных и неукротимых, не решались выкинуть какое-нибудь коленце при случайной встрече. Томка внушала невольное уважение. И восхищение, наверное.

— Покажи мне ее... шкафчик. Где она переодевалась?

— Какой шкафчик? — Людка недоуменно нахмурила лоб. — Это тебе что, ваша фехтовальня? У нас все цивильно. Офис. А что случилось-то?

Куда она пропала?

— Почему пропала? — поднял брови Павел. — Дела у нее. Мне нужно забрать ее вещи.

— Вещи? — Людка хмыкнула. — Тогда пошли. Только быстро, у меня скоро шестичасовые заступают. А что с ней? Надолго она там? Ну, там, где у нее дела? Костик уже рвет и мечет. Вовсе может твоя женушка место потерять. Девчонки сейчас почти все в Турции. Подработки, сам понимаешь...

— Люда! — повысил голос Павел. — Я спешу.

— А я — нет, — прошептала она чуть слышно, шествуя вдоль зеркальной стены, в которой отражались тренажеры и потеющие на них редкие атлеты, но он услышал. Без привычного куража она не просто выглядела слабой и беззащитной Людкой, которую он успел когда-то почувствовать и отчасти пожалеть, но была еще слабее и беззащитнее. Для него. И он понял несказанное и, следуя за Людкой через никелированные внутренности оздоровительного царства, почувствовал, что Томкина сменщица все еще готова осязать тепло его ладоней на своей натренированной спине, но понимание растаяло, не задевая.

— Думаешь в четырех стенах ее запереть? — Людка толкнула дверь, упала в кресло-тюльпан. —

Не выйдет. Томка — девушка непростая, захочет уйти — ничем не удержишь. Она и устраивалась когда-то сюда так, будто Костик ее упрашивал, а не она его. Здесь, конечно, не ее масштаб, но и кухня — тем более не для нее. Так увольняется или нет? Неужели дошло до сибирячки, что даже прозябать можно в более достойном месте?

— Так уж и прозябать? — Павел окинул взглядом уютный офис, взглянул на самого себя, от разившегося в зеркальной стене, — взъерошенного и напряженного. — Где ее вещи?

— У нее нет вещей! — бросила Людка, вскочила на ноги, отчего кресло поехало в сторону, двинула в сторону зеркальную створку, подхватила с пола коробку из-под бумаги. — Вот! Плечики возьми, она ими, правда, не пользовалась. Трико, бикини, все всегда с собой, принесла — унесла. Никаких следов. Вот ее стол, здесь — то же самое. Пусто.

Людка один за другим выдернула из стола три ящика, демонстративно потрясла ими перед Павлом. Цапнула карандашницу и высыпала ее содержимое в коробку.

— Больше ничего нет. Был еще пакетик из-под сока, но уборщица вынесла.

Павел взглянул в коробку. Карандаши были остро заточены, авторучки не начаты.

— Ты что, Павлик, дурак?

Людка смотрела на него раздраженно.

— Похож?

— Как и все мужики.

Он усилием воли улыбнулся. Надо же, а недавно стереть ухмылку с лица не мог.

— Кому Томка звонила с утра? Кто с ней говорил? Ты или Костя?

— Сбежала? — Людка испуганно поднесла к губам ладонь.

Павел подумал, мотнул головой.

— Не знаю. Если и убежала, то не от меня. Разное... случается. Трудные времена, Люда. Кто с ней говорил?

— Костик, кто же еще! — Людка стала растерянно поправлять трико, волосы. — Я звонила ей, но не дозвонилась. Да что случилось-то? Объяснить можешь?

— Костик у себя?

В кармане зазвонил телефон. Пробиться пытался Дюков.

— Ты в порядке? — коротко бросил Павел.

— Да, но... — заторопился что-то выпалить Димка.

— Через пять минут перезвоню, — нажал отбой Павел. — Где Костя?

— Уехал... — Людка нервно пожала плечами. — Сегодня же пятница.

— Черт, — поморщился Павел. — Пятница.

Встану намертво. Ну ладно. Если что-то будет о Томке — звони. У тебя телефон тот же?

— Послушай, — Людка собралась, сдвинула брови. — Ты вот что имей в виду, здесь, вот здесь, где всякое случается, у Томки ничего не было. Я не знаю, любила она тебя или нет, но здесь у нее ничего не было. Подкатывали многие. В том числе и такие, за которыми я поползла бы, повизгивая. Ничто ее не прошибало. Особо рьяных она и отоварить могла. Я сама видела не раз. Пара ударов — и крепкий мужичок превращается в студень. А год назад, помню, приезжал тут один, золотые горы сулил, а она отказалась. Мужик тот ошалел, глаза выкатил, приказал охране, чтобы скрутили девчонку, только не вышло ничего. Четверых раскидала — думаю, что никто без последствий для здоровья не обошелся, а самому главному прошептала что-то, он взвыл и бегом прочь бросился. Неужели не рассказывала?

— Нет, — покачал головой Павел и добавил после паузы: — Я ж ей тоже не рассказываю, если у меня в мастерской вал какой переломится или проводка сгорит. Работа есть работа. Что это был за мужичок?

— У Костика спрашивай, — шевельнула губами Людка.

— Спрошу, — кивнул Павел, обернулся у двери. — У кого ее можно поискать?

— Из тех, кого я знаю... — Людка задумалась. — Только у меня. С остальными она не общалась почти, да и нет никого в Москве теперь... Конечно, любой здешний качок половичком бы под ее ножки лег, только свистни, но... не тот случай.

Она смотрела на него почти с сочувствием.

— Спасибо, — сказал Павел.

— Ты это, — она говорила торопливо, чтобы он успел услышать, почти в спину. — Приезжай, если что. Мало ли. Я одна. Просто так приезжай. Вот. Ключ на том же месте. В щитке. Без обязательств. Ни губами, ни пальцами не коснись.

Павел вызвонил Димку уже на лестнице.

— Как сам?

— Я-то в порядке, — отчужденно проворчал Димка. — А дела наши плохи. Внутри вообще ничего не осталось. Все сгорело, а что не сгорело — так или переломано, или гадостью залито. Да и пожарные... Прибрали по мелочи к рукам кое-что, сам видел. Вот же... Как там Томка?

— Пока никак. — Павел вышел на улицу. — Ищу. Еще что?

— Ничего, — медленно проговорил Димка. — Башка трещит: крепко меня приложило! Страховой был, ничем не порадовал, с оформлением катавасия затянется на месяцы, если не дольше. И то без гарантии. Могут увязать все это с расследованием,

а там... Надо подключать кого-нибудь. С клиентами проще, с меня, правда, пытались истребовать списки за год, но я и трех последних не сдал, перевел на тебя стрелки — мол, крашу, правлю, ничего не знаю. Так что готовься. Дед был, только близко не подъезжал — шестерок подсылал, — потоптались и слиняли. Зато Бабич все облазил, штаны порвал в подсобке, тысячу чертей на твою голову призывал. Да, Жора был. Но со мной почти не говорил, кивнул только. Посоветовал мотать подальше и со всех ног. С ним серьезные ребятки приехали, все обнюхали. Бабич хотел на них накатить, но ему что-то сказали — он тут же заткнулся. Умотал. До меня казах какой-то докопался. Из прокурорских или ментов, я не понял. Фамилия на букву «М».

— Мартынов?

— Можно и так сказать... — Димка выругался. — Сука. Натуральная и мерзкая сука. Если бы Жора меня не вытащил из его «УАЗика», сейчас бы я плевался кровью. Я придурка хотел сыграть, только что слюну изо рта не пускал, а он... Умеют бить, чтобы синяков не осталось. Пустой бутылкой да по почкам. Только что я ему мог сказать? Твой телефон, кстати, истребовал. Я дал, только цифры местами поменял, типа запутался. Но у Бабича же твой телефон есть?

— Телефон есть, — скрипнул Павел

зубами. — Прости, приятель, что оставил тебя. Что внутри мастерской интересного?

— Ничего, — вздохнул Димка. — То есть совсем ничего.

— А место взрыва?

— А что там должно быть? — не понял Димка. — Ямка есть. В бетоне ямка. Трещины во все стороны. Ну, сейчас-то их и не разберешь, залито, завалено все, я просто споткнулся, нога в трещину провалилась, чуть не сломал. Ребята от Жоры там что-то разгребали, я потом и увидел. «Победа» сложилась, как роза в гербарии. Да чего ты хочешь, если «Альфа-Ромео» с подъемника слетела и чуть стену не пробила.

— А двигатель? — Павел медленно тронулся с места. — Что с двигателем? С волговским движком что?

— Нет его больше, — пробормотал Димка. — Куча обломков, сплющено все, что не расколосось, словно кувалдой вмяло.

— Значит, взрывчатка была снаружи, — заметил Павел.

— Что? — не понял Димка. — Ты едешь куда? Я не расслышал. Что вообще происходит? Ты хоть что-то выяснил? Чего делать-то? У меня тут взяли какую-то подписку. Может, и правду махнуть к предкам, пока данные не внесли в базы? Или поздно? Жора твой тоже мой телефон записал.

— Вот что, Дюков. — Павел повернул в переулочек. — Попусту мне пока не звони. Только если что-нибудь серьезное. Очень серьезное. Если двинешь к предкам, я не обижусь. И тебя не обижу, если удастся вылезти. В любом случае попробуй залечь где-нибудь на недельку. Если рискнешь залечь дома, двери никому не открывай. Если ты сам мне будешь нужен — я приду, у меня ключ от твоей хаты есть. Но лучше не рискуй. Найди нейтральную территорию — мало ли у тебя девчонок? Только отправляйся к той, где тебя искать не будут.

— Ты двинулся, Шермер? — понизил голос Димка. — Что за дела? У меня квартира есть, куда я пойду? Да и на черта мне к девчонке — как я потом отбрыкиваться буду?

— Слушай меня, Дюков, — оборвал приятеля Павел. — Меня пытались убить. Станным способом, но точно пытались убить. Томка исчезла. Бизнес наш уничтожен. Чего ты хочешь? Чтобы к тебе пришел крепкий малый в черных очках в сером костюме, наставил на тебя то ли пистолет, то ли насос какой-то, — и начал крушить твоим телом мебель?

— Гонишь... — пролепетал Дюков.

— Вот что, Дима, — прошептал Павел. — Ты мое слово знаешь. Будут какие плюсы — поделим пополам. Будут минусы — возьму на себя. Но

скажу так: если бы не Томка, сейчас бы я уже и сам сидел в аэропорту. Вместе с тобой. Решай сам. Все понял?

— Все, Шермер, — голос Дюкова стал тихим, но твердым. — Тогда прости, если что.

— Бог простит, — нажал отбой Павел.

07

Пятничная Москва стояла. Ведущие из города трассы скрипели стальными tromбами. Клубы дыма от припозднившихся фур мешались с запахом резины и повисшим над асфальтом напряжением. Августовское солнце слепило глаза. Пожухлая трава на обочинах торопилась в осень и успевала быстрее железной реки. Машина Павла медленно плыла в плотном потоке, и он сам словно плыл внутри механической многоголовой змеи то ли как ее часть, то ли как проглоченное лакомство.

Он был растерян и одновременно зол. Слова Жоры, что он должен залечь в безопасном месте, и непонятная ему самому уверенность, что этого делать не следует, не срастались друг с другом. И не потому что в глубине души Павел понимал, что безопасного места от непонятной опасности быть не может. И не потому что он не мог залечь куда бы то ни было, пока не узнает, что случилось с его единственным родным человеком, внутри которого

билося сердце его ребенка. Ни на секунду Павел не мог представить себя плывущим по течению. Ни на секунду не мог смириться с обстоятельствами, тем более с обстоятельствами, которые собирались хорошенько выстучать его о твердое и, может быть, острое. Он должен был что-то делать.

Вот только что? Куда-то ехать? К кому-то, кто мог бы ответить хотя бы на какие-то вопросы? К кому-то, у кого могла укрыться Томка? Бред. От кого укрыться? Хотя, судя по всему, укрываться как раз было от кого. Так к кому ехать? К тестю? Того, скорее всего, не было дома, да и Томка никогда не рвалась к папочке. Вряд ли она побежала бы искать защиты у отставного майора, сколь бы ни был он грозен на вид. Да и игрушку, имитирующую дробовик, она взяла явно не для того, чтобы добиваться с ним у кого-нибудь защиты. Нет, к майору он поедет если не в последнюю, то и не в первую очередь. Да и что сможет сказать ему тесть, если еще станет с ним говорить? Захочет ли ответить на его вопросы? Какие вопросы? Один вопрос. Почему Томка не предупредила его? Почему не оставила хотя бы записки? Или оставила? Где она могла ее оставить? В квартире он ее не нашел, в почтовом ящике — тоже. Где еще? Кто у нее был на телефоне? Павел, тесть, соседка тестя, фитнес-центр, Людка, Костик и Димка? Димка, Людка и сам Павел отпадали, в

фитнес-центре ничто не бросилось в глаза, тестя нет, Костик тоже не знал ничего с утра. Или думал, что ничего не знал...

Капли пота повисли на ресницах. Павел вытащил платок, вытер лицо.

А если все не так? Если кто-то ворвался в квартиру, заставил Томку позвонить на работу, чтобы ее не хватились раньше времени, скрутил девчонку, сбросил ненужные изуродованные паспорта, потер все графические файлы в компьютере, оставил телефон, еще и прихватил дробовик Павла с собой — да хотя бы ради забавы. Или не понял, что это игрушка? А потом еще и вернулся, чтобы напугать нерасторопного муженька-раззяву? Приложить его о мебель. И мастерскую поэтому взорвали, чтобы не дергался, осознал важность момента. Да никому он сам, Павел Шермер, не был нужен — все только ради его девчонки, синей птицы. Таким острова и замки покупают, чего им какой-то механик. Кто же это сделал? Кто? Кто?

Павел отщелкнул вниз козырек, взглянул в зеркало. На него смотрел взъерошенный бледный тип с темными кругами под глазами. А может быть, с Томкой все в порядке? Подписалась на какую-нибудь войнушку с девчонками? Есть же в команде у Жоры еще две дамы, кроме Томки, — Василиса, бой-баба, и чернявая худышка — Ларик.

Все обижались на гиганта, что подсобницами их держит. Перешептывались они друг с другом в последний раз. Может, затеяли что-то секретное? А мастерская и этот тип в сером — заморочки именно Павла? Может быть, так все?

— Не так, — скрипнул зубами Павел.

Не срасталось. Не складывалось. Более того, чувство беды, которое последние несколько часов, с того самого момента, когда он выскочил из-под автоподъемника, не оставляло его, теперь уже словно выползало невидимыми корнями из прошлого. Угадать бы еще, из какого прошлого. Но забилося оно, запульсировало у него в висках в четырнадцать двадцать две. Забилося и не отставало. Не так, как месяц назад на автотрассе, когда с первого мгновения аварии он почувствовал освобождение и легкость, пусть они и мешались с дрожью в коленях, а непрерывно и утомительно. Невидимый метроном продолжал отстукивать в затылке, зуммер гудел в суставах и висках, словно взрыв мастерской был не бедой, а лишь ее предвестием. Уши звенели, камень в пальцах ослаб, словно провалился в сердце.

Надо было собраться, но машины еле ползли, кондиционер, защищая водителя от внешнего выхлопа, гонял по кабине охлажденный спертый воздух. Под упругое биение электрической ритм-секции молодая певичка в радиоприемнике

пела русскую босанову, слов которой Павел не мог разобрать, как ни прислушивался. В горле стояла сухость. Павел открыл бардачок, наклонился, чтобы нашарить бутылку воды, впереди выросла тень, он надавил на тормоз, чтобы не уткнуться в «причал» неуклюжего бензовоза, на что идущая сзади «газель» отозвалась раздраженным бибиканьем.

— Ну что же ты? — спросил сам себя Павел, сорвал крышку с бутылки, сделал пару глотков и плеснул в лицо пенящейся газировки.

«Теперь бы отъехать в сторону, остановиться, открыть окна, полежать расслабившись... А еще лучше вырुлить к реке, разбежаться и нырнуть в холодную воду. Ага. И удариться головой о какую-нибудь корягу или протаранить железобетонную плиту. Нет, только к морю. Разрулить завал, отдышаться — и к морю. Или уже на море и отдышаться. Вместе с Томкой. Была бы у Дюкова постоянная девчонка — и его бы прихватили».

Газировка стекала на рубаху. Перед глазами всплыл белый песок, вспомнился восторженный визг Томки, барахтающейся в волнах. Павел посмотрел на приютившийся у рычага коробки передач мобильник, достал из кармана Томкин аппарат. И все-таки, если она исчезла сама, без посторонней помощи, почему же она оставила телефон? Из паспорта она фотографию точно

вырвать не могла — зачем ей это? Да и в любом случае должна была перезвонить, оставить записку, дать как-то знать. В любом случае, кроме одного: если она была под пристальным контролем и это могло навредить ему, Павлу.

«Каким контролем? — сам себя оборвал Павел и несколько раз ударил ладонью по панели. — Бред! Бред! Бред!»

Но тогда каким оружием он был отброшен к стене? У кого еще может быть такое оружие, кроме как у конторы, в которой работает Жора? Значит, говоришь, залечь? Залечь и не мешаться? Или сразу отправиться в психушку и поведать там о растворяющемся в воздухе человеке? Или его просто так приложило о шкаф?

Впереди показалась заправка, последняя перед кольцевой. Бензина в баке было еще предостаточно, но Павел резко повернул вправо, остановился у колонки, зашел в магазинчик. В зале стоял запах свежей выпечки, он бросил на стойку пару бутылок сока, ткнул пальцем в витрину и уже через минуту сидел в машине в тупичке под вялыми тополями. Трасса продолжала отзываться в полусотне метров рокотом и дымом, но теперь Павлу было не до нее. Он собирался все обдумать. Обстоятельно обдумать все происшедшее, разве только отложив на потом размышления о растаявшем в воздухе человеке. Обдумать хотя бы для того, чтобы увериться, что

он не сошел с ума, не заболел, не спит. Хотя какое уж там спит: все тело ныло, не переставая. Нет, надо все обдумать и успокоиться. Ну и перекусить заодно. Если Томка уж на что-то решилась, то обдумала все в любом случае. Не пропадет. Не должна.

Павел очнулся через полчаса. Он так и не понял, спал ли он, или просто сидел с открытыми глазами, но часы отмерили тридцать минут. Еще пара минут ушла, чтобы проглотить чуть теплый пирожок и достать из-под сиденья стальной термос. Павел задумчиво взвесил на ладонях оба телефона — и свой, и Томкин, — опустил их в отполированное нутро и плотно закрутил крышку. Повернул ключ зажигания и вырулил на трассу. Дорога все еще была забита дачниками, но прижавшись к обочине, сигналижая неторопливым тяжеловозам и ускоряясь на развязках, двигаться было можно. Уже через десять минут Павел добрался до кольцевой, а еще через полчаса подрулил к радиорынку. Миновав метнувшихся к неурочному покупателю уличных торговцев, Павел нырнул в сверкающий огнями магазин и со всем возможным обаянием улыбнулся девчонке-менеджеру.

— Телефон. Зарядку. И пару симок без регистрации. Знаю, что не положено. Но очень

надо. Разных операторов. Да запишите хоть на себя. Плачу дорого.

08

Вот уж чего не было у него в характере от рождения, так это обстоятельства. И бабушка Нюра говорила ему об этом, да и брат матери, который приехал с Севера после смерти бабки, не упускал случая напомнить старую поговорку — «семь раз отмерь, один отрежь». У дядьки Федора были крепкие руки с побитыми черными ногтями, прибыл он едва ли не на кладбище, через неделю после похорон пригнал к бабкиному домику выдавший виды «УАЗик», поднял капот, начал в нем что-то крутить. Ошалевший от навалившейся беды, от стремительных перемен в его жизни и не до конца выплаканных слез, Пашка, уже полгода как разменявший двенадцать лет, стоял поодаль и щурился на июньское солнце.

— А ну-ка иди сюда, племяш, — прохрипел как будто вечно простуженным голосом дядька и сунул ему в руки ключ. — Смотри сюда. Вот это откручивай. Да не спеши, резьбу не сорви. Против часовой. Сюда кладешь болты. Если что-то снимаешь, гайки старайся сразу вернуть на место, чтобы не путаться. Вот это все называется «движок». Два с половиной литра. Семьдесят пять

лошадок. Немного, но нам хватит. Поможешь вернуть к жизни колымагу — будут перемены в твоей жизни. Хорошие перемены. Не все ж сопли глотать? Да не торопись, не торопись. Спокойнее. Знаешь, руки бы оторвал тому, кто машину до такого довел. Вот если бы от нее жизнь зависела, как на Севере...

Дядя и племянник возились с машиной почти месяц. Июнь убили, поначалу думал Пашка. Прожили с толком, смеялся дядя. Перебирали движок, перекидывали мосты, ковырялись в железном хламе, который дядя привозил с какой-то свалки на нанятом грузовике. Пашка втянулся уже на второй день — листал замасленное руководство, с интересом заглядывал под капот пятьдесят второго, который ночевал у соседнего домишки. А вечерами слушал рассказы дяди Федора. Про бивни мамонта, что торчат из мерзлоты, и его же зубы размером с хороший кулак. Про «КамАЗы», которые не глушат с начала и до конца зимы, что длиной почти в год. Про обилие грибов. Про щук, которых видимо-невидимо в дальних озерах, где кроме них нет никакой рыбы, и которые нажирают за сезон свои килограммы на крупных, чуть ли не в ногу, дафниях. Еще о чем-то.

— Ну, чего скажешь? — спросил дядя, когда движок «УАЗика» уверенно заворчал, а рычаг скорости вошел в положенное ему место без визга и

скрежета.

— В автодорожный пойду, — уверенно заявил Пашка. — Понравилось с железяками. Здорово, когда они оживают.

— Это да, — расплылся в улыбке Федор. — Я заметил. Но до института тебе еще лет так с пяток, если не больше. Да и то я бы посоветовал тебе отслужить сначала. Однако землю нужно топтать с умом уже теперь.

— А я разве без ума ее топчу? — надул губы Пашка и почесал свой уже тогда длинный нос.

— Как тебе сказать... — Дядька достал из пачки папироску и начал ее разминать толстыми пальцами. — Ты ж подрался вчера опять?

— И что? — мгновенно поджал губы Пашка и спрятал в карманы сбитые на костяшках кулаки.

— Из-за чего? — чиркнул спичку дядька.

— Из-за дела, — отрезал Пашка.

— Дела бывают разные, — пыхнул в окно дымом Федор, заглушил движок. — Я бы не спрашивал, с кем не бывает, но так у тебя ж ссадины свежие. Каждый день свежие. Я даже поспорить уже могу: отпущу тебя на полчаса, да хоть за хлебом, — все одно синяк принесешь.

— Это ты не видел, какие у них синяки! — в запальчивости выкрикнул Пашка.

— Ну, так ты хотя бы пометки делал, галочки на заборе. — Дядя улыбался, но глаза у него были

жесткие. — Прикинь, сто галочек — посадил сто синяков. Сотне маленьких негодяев. Каждому по синяку. Или полусотне, но по два. А они тебе только двадцать пять. В четыре раза меньше. Но тебе одному. И вот уже ты весь синий.

— Я не синий, — пробурчал Пашка. — У меня все быстро проходит. Утром уже буду в порядке.

— Вижу, — кивнул дядя. — Если бы ты ссадины свои не новил, я бы и не заметил, может. Под левым глазом синяк уже позеленел, а с утра только налился. Чего хотят?

— Обзываются, — отвернулся племянник.

— Как? — дядя не отставал.

— Жидом называют, — буркнул Пашка.

— Смотри-ка! — протянул дядя. — А если бы тебя русским называли? Да хоть русаком? Обиделся бы?

— Почему? — пожал плечами Пашка. — Они все почти русские. Только Марат татарин. Да Витька цыган.

— А их обзывают? — прищурился дядя.

— Обзывали, — вздохнул Пашка. — Только толку мало. Марат сам смеялся, а Витька словно и не слышал. А уж когда вовсе донимали, просто говорил: «Цыган. И что?»

— И что? — повторил дядя.

— И ничего! — в сердцах хлопнул

приоткрытой дверью «УАЗика» Пашка.

— А ты, значит, заводной, — понимающе протянул Федор. — Смеяться не умеешь. Терпеть — тоже.

— Никогда не буду терпеть, — процедил сквозь зубы Пашка.

— Согласен, — задумался дядя. — Терпеть не нужно. Особенно тогда, когда есть такая возможность. Но иногда лучше перетерпеть. Понимаешь? Мудрее нужно быть.

— При чем тут мудрость? — не понял Пашка. — Меня дразнят!

— Нет, — помотал головой дядя. — Тебя называют. Обидно, но называют. А ты превращаешь это в дразнилку. Они чиркают спичку, а ты чиркашок подставляешь. Понимаешь?

— Я сразу бью, — жестко проговорил Пашка.

— А они? — прикрыл глаза Федор.

— Собираются кучей. — Пашка пожал плечами, потер содранные костяшки. — По одному никто не может справиться. Даже по двое. Зовут кого-нибудь постарше.

— А ты? — монотонно переспросил дядя. — Ловишь обидчиков поодиночке?

— Никогда! — воскликнул Пашка. — Я только отвечаю. Если с ними кто постарше, бью его. Сразу. Я даже не бегаю за ними. Только если бросаются камнями...

— Да, — словно сам себе кивнул Федор. — Трудная у тебя жизнь. Но то, что ты не ловишь их поодиночке, хорошо. Хотя в том, что ты сказал, есть кое-что и плохое.

— Что плохое? — не понял Пашка.

— Ты сказал, что тебя оскорбляют, — заметил Федор. — Плохо, что ты так думаешь.

— И в чем я не прав? — поднял брови мальчишка.

— Они себя оскорбляют, — внушительно произнес дядя. — В собственный рот гадят. А ты пытаешься подойти и поворошить у них во рту? Знаешь поговорку насчет того, что трогать не следует?

— Но я не жид! — почти закричал Пашка. — И уж точно не жадный. И не еврей.

— Ты уверен? — нахмурился дядя.

— А ты? — моргнул заблестевшими глазами мальчишка. — Ты же мой дядя.

— Еврей ли я? — задумался дядя и взъерошил рыжую с сединой шевелюру. — Федор Кузьмич Шермер? Не знаю. Тут ведь как. Дело ведь не в тебе, а в предках, а в них уверенным быть нельзя. Ну, на четыре колена я о своих предках и предках твоей мамки кое-что сказать могу. Евреев там вроде не было. Был прадед-немец. Вконец обрусевший немец, в котором уже немецкой крови едва ли была половина. Ничего от него, кроме фамилии, нашей

породе не досталось. А что касается крови, у тебя пять по математике — посчитай, сколько процентов немецкой породы во мне?

— Пять или шесть, — наморщил лоб Пашка.

— А в тебе? — бросил окурок в окно дядя. — Еще меньше? Может быть, сказать твоим противникам, что ты немец?

— А лицо? — дернул себя за нос Пашка, взъерошил черные волосы. — Немцы такие бывают? Кто был мой отец? Да и чем немец лучше еврея?

— А ничем, — задумался дядя. — Так и русский ничем не лучше немца. И немцы бывают разные. И русские. И украинцы. И евреи рыжие случаются... наверное. Поговорим потом... как-нибудь. Отец... Да кто бы он ни был. Хоть киргиз. У евреев, кстати, национальность по материнской линии передается. А по материнской ты почти стопроцентный русак, только что с немецкой фамилией. Только дело-то не в том. Представь себе, что ты и в самом деле еврей. Тогда как? Что бы ты делал?

— Не знаю, — надул губы Пашка.

— А я тебе скажу, — прошептал дядя. — Ты бы гордился этим. Так же, как гордился бы, если бы был татарин. Так же, как гордился бы, если бы был цыганом. Немцем. Французом. Русским. Да кем бы ни был. Человек — человек изнутри, а не

снаружи, и не по родословной. Понял меня?

— Понял, — опустил голову Пашка. — Я бы и гордился. Если бы знал точно. Скажи, а если бы мой отец тоже был немцем, да с той крапинкой немецкой крови, что во мне от прапрадеда, кто б я тогда был? Немцем или русским?

— Да кем бы захотел, тем и был бы, — пожал плечами Федор. — Хотя тут ведь какое дело. Говоришь ты по-русски? По-русски. Думаешь тоже по-русски. Кормили тебя русской пищей. Жил ты в русском доме. Выходит, что ты русский. Но по происхождению из немцев.

— Или из евреев, — прошептал Пашка.

— Или из евреев, — согласился Федор. — Хотя кто его знает, что в твоём отце было намешано. Я и не видел его. Баба Нюра отписывала, что был он очень хорошим человеком. Хотя что она его видела? Половину дня? Что нам с того? Или национальность у тебя поменяется, если мы о твоём отце больше разузнаем? Подожди, откроется когда-нибудь все. Только вот с драками ты бы завязывал. Перетерпел бы с полгодика, а там бы и сами отстали.

— А ты бы перетерпел, если бы тебе в спину орали «жид в дерьме лежит»? — взвился Пашка. — Я как услышу, у меня аж в ушах звенит! Пальцы... саднит. Или надо говорить — лежит, чего уж там, но я горжусь этим?

— Тут ведь как, — поморщился Федор и сжал огромный кулак. — Я бы на твоём месте... Если шелупонь заливается, плюнул бы. А вот если кто постарше — отучил бы быстро. Просто бить надо... больно. Очень больно. Там и шелупонь прониклась бы.

— Так я и пытаюсь, — шмыгнул носом Пашка и вновь потер костяшки кулака. — Но... не могу больно. Убить боюсь. Да и жалко же... идиотов.

— Вот черт! — плюнул в сердцах Федор. — Поехали тогда в город. Пристроим тебя в какую-нибудь секцию, чтобы подучили бить, но не убивать, а то ведь затопчут тебя в этой деревне, или сам себя до греха доведешь. И все-таки попомни, парень, слова. Ежели на нашу деревню пойдет какой враг, да хоть марсиане высадятся, как в кино, что мы давеча смотрели, вот эти все мальчишки, с которыми ты дерешься, сразу твоими лучшими друзьями станут.

Пристроиться удалось в клуб дзюдо, хотя пузатый тренер морщился, обзывал мальчишку старичком. Потом пощупал кости, велел соединить руки за спиной, согнуться, подвесил на турник, посмотрел, как деревенский мальчишка уверенно вздергивает себя к перекладине больше двух десятков раз, и махнул рукой.

Вначале Павлу пришлось нелегко — ребята,

которые начинали заниматься борьбой в шесть-семь лет, чувствовали себя мастерами и не упускали случая приложить новичка о маты, но постепенно дело пошло, и уже через месяц тонкокостный смешной носатый мальчишка перестал быть борцовским манекеном. К тому времени Федор продал дом, купил в городе квартиру, куда и перебрался вместе с племянником. Еще через месяц Пашка пошел в городскую школу, где его уже никто не обзывал. Да и вряд ли он обратил внимание, если бы кто-то и попытался прилепить к нему какую-нибудь обидную кличку. Теперь его занимало другое — тренер по дзюдо, который в захлестывающее страну нелегкое время все чаще отвлекался от подопечных мальчишек: подрабатывал массажистом, обучал широкоплечих бугаев каким-то приемам, возился с сынками богачей, — затеял нечто новое. Очистил пустующий под клубом подвал, нанял ремонтную бригаду и повесил у входа аляповатый плакат. «Будо¹⁴, кендо», — с замиранием сердца прочитал Павел и побежал к дяде. «Какое еще кендо? — удивился Федор. — Мечи? В нашем городишке? Да откуда у нас мастера? Твой тренер сам будет вести? Друзей приведет? Собутыльников, что ли? Нет,

¹⁴ *Будо* — (яп. — путь воина).

надо посмотреть. Все-таки не бесплатное удовольствие».

Дядя посмотрел в тот же день. Пришел к тренеру, о чем-то с ним поговорил, оглядываясь на переминающегося с ноги на ногу Павла, потом пожал руку незнакомому худому мужику в темном свободном костюме с воротником стоечкой. Пощупал принесенные маски черного цвета, напоминающие проволочные корзины, наконец махнул рукой и отправился к племяннику.

— Черт с тобой, от лишней тысячи я не обеднею. Вон тот мужичок будет вас учить. Алексеем его кличут. Признался, что не самый великий мастер, но главное вызубрил от и до. Тут важно начать без ошибок, а там уж и учителя найдутся, да и голова у тебя вроде на месте. Или не на месте?

— На месте, — почесал лоб Павел.

— Так уж береги ее, — хмыкнул дядя.

09

Павел проснулся рано, но солнце уже светило в щели летней кухни, лицо обдувал легкий ветерок, который, скорее всего, унес и комаров, что перестали гудеть за растянутой над диванчиком марлей. Пахло розами и мокрой травой — наверное, ночью прошел дождь. Павел приподнял голову —

загнанная за стену малинника «импреза» сверкала застывшими каплями. В десятке метров за ней темнел сарай, в котором после тирады матюгов вчера вечером Костик все-таки откопал «москвичонка».

Машинка мумифицировалась. Резинки, обивка, провода осыпались в пыль, колеса сгнили, до кузова было страшно дотрагиваться. Свет фонарика обнажал разруху беспощаднее солнечных лучей.

— Ну? — спросил Костик, раздосадованно стирая с лица улыбку. — Можно что-нибудь сделать?

— Можно, — кивнул Павел. — Смахнуть пыль. Осторожно, не нажимая, промыть мыльной водой. Автошампунь тоже поможет. Покрыть тонким слоем вазелина. Чтобы чуть блестело. Обмазать хорошим гипсом, но с тканью. Подождать. Разрезать форму. Подготовить ее. Покрыть изнутри латексом. Пока будет схватываться, быстро купить что-нибудь небольшое и быстрое. Ту же «импрезу», хотя она великовата будет. Осторожно, очень осторожно вытащить из формы латекс. Покрасить его в цвета «москвичонка», накрыть им купленную машинку — и пожалуйста, призрак шоссе. Да, придется еще вырезать отверстия под фары и окна. И поработать скотчем.